

Бестселлер New York Times #1

ДЭВИД БОЛДАЧЧИ

Амос Декер — один из самых
необычных сыщиков в литературе,
о котором мечтал бы любой писатель
остросюжетного жанра.
Washington Post

ИСКУПЛЕНИЕ

АМОС ДЕКЕР ЗАМЫКАЕТ КРУГ

В мире продано более 130 000 000 экземпляров романов автора

Дэвид Болдаччи
Искупление
Серия «Амос Декер», книга 5
Серия «Дэвид Болдаччи.
Гигант мирового детектива»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63101802
Искупление / Дэвид Болдаччи: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-113686-4*

Аннотация

Жуткая травма головы, полученная на футбольном поле, не только оборвала спортивную карьеру Амоса Декера. Теперь он – обладатель абсолютной памяти и способен запоминать буквально все, что когда-либо видел или слышал. Что ж, внезапно обретенная суперспособность пришлась как нельзя кстати для его новой работы – службы в полиции, а затем в ФБР...

К Амосу, склонившемуся над могилами жены и дочери, подходит необычайно изможденный человек по имени Мерил Хокинс. Тот самый первый убийца, которого Декер отправил за решетку тринадцать лет назад. Администрация тюрьмы не стала морочиться со смертельно больным заключенным и выпустила его доживать последние дни на свободе. И вот он пришел заявить,

что невиновен. У Амоса же нет сомнений – все было сделано правильно. Однако вскоре Хокинса находят с простреленной головой, и Декер – обладатель абсолютной памяти – минуту за минутой восстанавливает в голове события тех дней. Чем больше он думает о них, тем острее понимает, как крепко тогда ошибся...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	38
Глава 5	44
Глава 6	52
Глава 7	60
Глава 8	68
Глава 9	79
Глава 10	89
Глава 11	98
Глава 12	105
Глава 13	112
Глава 14	117
Глава 15	126
Глава 16	133
Глава 17	142
Глава 18	151
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Дэвид Болдаччи

Искупление

David Baldacci

Redemption

Copyright © 2019 Columbus Rose, Ltd.

© Шабрин А.С., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2020

*Линдси Роуз, стараниями которой все поезда
ходили вовремя, а дела ладились с неизменным
изяществом и успехом.*

Поздравляю с новым проектом!

Глава 1

В этот бодряще-холодный погожий осенний вечер Амос Декер находился в окружении мертвых тел. Однако не было ощущения синего электрического света, которое обычно посещало его при встречах с усопшими.

Тому имелаась веская причина: ни одну из этих смертей нельзя было назвать *недавней*.

Он снова находился в своем родном Берлингтоне, штат Огайо, – старом фабричном городке, знававшем лучшие времена. Перед этим не так давно он побывал еще в одном городе Ржавого пояса¹ – Бэронвилле, штат Пенсильвания, где едва разминулсЯ со смертью². В следующий раз таких минных полей не надо бы, а лучше и по гроб жизни.

Только сейчас выбора не было.

В Берлингтоне Декер находился потому, что его дочери Молли исполнилось четырнадцать. При нормальных обстоятельствах это было бы счастливое семейное событие, повод вместе попраздновать. Но Молли была мертва. Убита вместе с его женой Кэсси и шурином Джонни Саксом. Это роковое событие произошло незадолго до ее десятого дня рождения, когда Декер нашел Молл мертвой в их доме.

¹ Индустриальный район на северо-востоке США, пришедший в упадок после переноса производств в страны третьего мира, начавшегося в 1970-е.

² Отсылка к событиям романа Болдаччи «Падшие».

Ушла навсегда. Безвозвратно вырванная из жизни самым вопиющим образом; силой воспаленного покореженно-го ума, одержимого адской тягой к насилию. Их убийца среди живых тоже больше не значился, но это совершенно не утешало, хотя Декер немало сил положил на то, чтобы та гнусная жизнь оборвалась.

Вот почему его визит в день рождения происходил на кладбище. Без торта, без подарков. Лишь свежие цветы на могиле взамен тех, что давно отжили свое после предыдущего посещения.

Для себя он решил, что будет бывать здесь на каждую годовщину дочери, пока не воссоединится со своей семьей двумя метрами ниже. Таков был долгосрочный план; во всяком случае, ни о каком другом не думалось.

Кашлянув, он чуть сместился на деревянной, окованной железом скамейке рядом с двумя могилами (дочь лежала рядом с матерью). Скамейка – дар от полицейского управления Берлингтона, где Декер когда-то тянул службу, сначала патрульным копом, а затем детективом убийного отдела. На потускневшем от непогоды металле виднелась медная табличка с надписью: *«В память о Кэсси и Молли Декер»*.

Больше на укромном кладбище не было никого, кроме коллеги Декера по ФБР Алекс Джеймисон. На десять с лишним лет моложе Декера, уже давно разменявшего пятый десяток, она сейчас стояла на почтительном расстоянии, давая ему побыть одному, в безмолвном свидании со своей семьей.

В свое время Джеймисон подвизалась журналисткой, ну а теперь была полноправным, чин по чину приведенным к присяге спецгентом ФБР, с академией Куантико³ за плечами. По предварительной договоренности ее сразу же отправили обратно в опергруппу, где они с Декером служили вместе с двумя другими бывалыми агентами, Россом Богартом и Тоддом Миллиганом.

Сидя возле родных могил, Декер тихо клял свою гипертимию⁴. Спорное это достоинство оказалось буквально вкочлено в него страшным слепящим ударом на поле, во время матча НФЛ⁵. Из комы после черепно-мозговой травмы Декер вышел со способностью досконально помнить все до мелочей. Свойство, казалось бы, замечательное, но у него была явно и другая, обратная сторона: ничего не забывать.

Ход времени для него ни в коей мере не способен был заглушить детали мучительных воспоминаний. В том числе и те, которые он сейчас с новой силой переживал. Судя по невероятной, беспощадной точности памяти об обстоятельствах их смерти, Кэсси и Молли могли быть погребены не четыре года назад, а сегодня.

Эти имена и надписи на надгробиях были ему известны досконально. Придя сюда с тем многим, что бы ему хотелось

³ Главный учебный центр ФБР.

⁴ Выдающиеся способности по запоминанию и воспроизведению информации; ср. название первого романа Болдаччи об Амосе Декере, «Абсолютная память».

⁵ Национальная футбольная лига.

поведать родным, он теперь неизъяснимо страдал от полной неспособности выговорить, вышептать хоть что-либо.

Впрочем, это можно и объяснить. Черепно-мозговая травма, непрошено давшая ему прекрасную память, изменила и его личность. Навыки общительности у Декера с некогда высокого уровня опустились, прямо скажем, ниже среднего. Ему было трудно выражать свои эмоции и непросто общаться с людьми.

Вначале перед его мысленным взором возник образ дочери, отчетливый и ясный, – кудряшки, щечки, мило приподнятые в улыбке. Затем очертился облик Кэсси, жены, – якоря всей семьи; именно она не давала Декеру погрязать в своем состоянии, заставляла общаться с другими людьми, быть как можно ближе к себе прежнему.

Он болезненно поморщился. Поистине физическую боль вызывало столь близкое расстояние от них: они были мертвы, а он вот нет. Нередко, и даже часто бывало так, что ему становилось просто неумогу уживаться с такой двойственностью. Декер поглядел туда, где метрах в тридцати, прислонясь к охватистому дубу, отрешенно стояла Джеймисон. Хороший друг, прекрасная коллега, да вот беда – абсолютно бессильная помочь ему в нахлынувших переживаниях.

Он снова повернулся к могилам, опустился на одно колено и стал раскладывать на надгробии охапку принесенных цветов, заботливо распределяя их поровну.

– Амос Декер?

Декер поднял глаза: к нему медленно брел пожилой мужчина. Он словно материализовался из сумрака удлиняющихся теней, а по мере приближения и вовсе начинал казаться неким призраком – изможденный, с запавшими чертами, землистым лицом.

Джеймисон заметила того человека раньше, чем Декер, и решительным шагом направилась в их сторону. Собственно, это вполне мог быть кто-то из местных, может, даже знакомый Декера. Хотя поди разбери. К тому же не секрет, что вокруг Амоса Декера то и дело заваривалась какая-нибудь чертовщина. Рука женщины тихо потянулась к кобуре у правого бедра, ближе к пистолетной рукояти – так, на всякий случай. Декер внимательно оглядел старикана. Если не брать во внимание болезненность, в шарканье этого типа угадывалось что-то знакомое; нечто, на что у полицейского наметан глаз. И дело здесь не в возрасте или немощи. Это была походка человека, привыкшего носить на себе кандалы при перемещении – так сказать, следовании из пункта А в пункт Б.

«Бывший сиделец», – мысленно прикинул Декер.

И было еще кое-что. Иногда в такие моменты проявлялся также цвет, связанный с тем или иным человеком. Еще одно проявление синестезии⁶, вызывавшее у Декера произвольное сочетание цветов с бессвязными на первый взгляд

⁶ Постоянное наложение на один вид ощущений других видов ощущений, в норме никак с ним не связанных; самый распространенный пример – стойкие ассоциации объектов и понятий с разными цветами и оттенками, которыми сами они не обладают и не могут обладать.

вещами, такими как смерть или числа.

С этим стариканом почему-то ассоциировался цвет бордо. Что-то новенькое.

«А вообще бордо – это что?»

– Вы кто будете? – спросил он, поднимаясь и отряхивая с колен травяные ошметки.

– Не признал? А впрочем, чему тут удивляться. Для вас арестанты все на одно лицо. А от меня тебе спасибо за отсидку.

«Точно, сиделец».

Все это слышала и Джеймисон, ускоряя шаг. Она уже и пистолет наполовину вытащила из опасения, как бы этот старик не явился сюда для сведения счетов. За годы службы Декер упрятал за решетку много кого. И этот тип, очевидно, один из них.

Когда старик остановился в паре метров, Декер окинул его взглядом. Сам он был ростом под два метра, а стрелка весов под ним плясала у отметки «130». При поддержке Джеймисон и ее подстегивании насчет спорта и здорового питания он за последние два года сбросил больше сорока кило. Большой «худобы» вряд ли уже достичь.

У старика рост был примерно метр восемьдесят, а веса не набиралось и семидесяти; шестьдесят пять от силы. В ширину – как распиленная вдоль доска. Кожа вблизи казалась хрупкой, как старый пергамент, того и гляди разлезется.

Звучно вобрав горлом слизь и слюну, старикан повернул

голову и святотатственно харкнул на кладбищенскую землю.

– Пряма-таки не узнаешь? У тебя ж вроде глаз-алмаз, а память как у фотоаппарата?

– Кто тебе это сказал? – насторожился Декер.

– Твоя старая напарница.

– Мэри Ланкастер?

Старикан кивнул:

– Она мне выдала и то, что тебя можно застать здесь.

– Что ее на это подвигло?

– Я Мерил Хокинс, – произнес старикан тоном, будто объясняющим здесь его присутствие.

У Декера приотвисла челюсть. Хокинс на это осклабился, хотя улыбка не коснулась его глаз. Выцветшие и неподвижные, они едва теплились огоньком жизни.

– Ну что, вспомнил теперь?

– Как ты очутился на свободе? У тебя же пожизненный, без УДО.

Между ними властно встала подоспевшая Джеймисон.

– А это Алекс Джеймисон, твоя новая напарница, – кивком указал на нее Хокинс. – О ней Ланкастер тоже мне рассказывала.

Он опять перевел взгляд на Декера:

– Отвечая на твой вопрос. В тюрьме я больше не сижу, потому что у меня рак в последней стадии. Самый дрянной, поджелудочной. Люди живут от силы пять лет, но мне и это не светит. Всякая там химия, облучение и прочее дерьмо,

которые мне к тому же не по карману. – Он дотронулся до своего лица. – Еще и желтуха. Так что, видишь, поздняк метаться. Ну и метастазы, само собой. Громкое словцо, а означает, что рак сжирает меня со всех концов. Теперь вот и мозг тоже. Последний, стало быть, иннинг⁷. Я уже не жилец, однозначно. Неделя от силы, и загнусь к чертям собачьим.

– И что, это причина для выхода на свободу? – усмехнулась Джеймисон.

Хокинс пожал плечами:

– Это именуется «освобождением из соображений гуманности». Обычно заявление на него подает заключенный, но ко мне в камеру они пришли сами, с бумагами. Я заполнил, они позвали врачей, чтобы одобрили, и вот вам пожалуйста. Государство, стало быть, не желало оплачивать счета за мое лечение. Я сидел в одной из тех частных тюрем. Они выставляют счет штату, а кто будет возмещать? Все дорожает, растет в цене. Наносит урон их бюджету. Меня теперь считают безобидным. За решетку я угодил, когда мне было пятьдесят восемь. А сейчас мне семьдесят. Хотя выгляжу на все сто. Накачан препаратами для того лишь, чтобы волочить ноги и разговаривать. Как уйду отсюда, меня несколько часов будет выворачивать наизнанку, а потом наглотаюсь таблеток, чтоб хоть ненадолго заснуть.

Джеймисон рассудила:

– Если вы принимаете обезболивающее по рецепту, зна-

⁷ В бейсболе и его разновидностях – отдельный период матча.

чит, какая-то помощь вам все же оказывается.

– Я разве сказал, что они *по рецепту*? Все вовсе не так, как кажется. Хотя мне именно это по душе. Только б снова не загреметь в тюрьму за то, что покупаю наркоту с улицы. Слишком большая, понимаешь ли, цена. – Улыбка съежила его желтушное лицо. – Знал бы я это раньше, то давно бы закосил.

– Вы хотите сказать, что вам вообще нет никакой помощи на свободе? – недоверчиво спросила Джеймисон.

– Говорят, в какой-нибудь хоспис меня б еще, может, и взяли, но как туда попасть? Да и не хочу я туда. Я хочу быть здесь. – Хокинс взглядом кольнул Декера.

– Чего ты от меня хочешь? – спросил тот.

– Ты упек меня за решетку, – обличительно ткнул в него пальцем Хокинс. – Но ты ошибся. Я невиновен.

– Так все говорят, – едко заметила Джеймисон.

Хокинс пожал плечами:

– Все меня не заботят. Только я сам. – Он поглядел на Декера. – Ланкастер тоже считает меня невинным.

– Не верю, – сказал Декер.

– А ты ее спроси. Она потому и сказала мне, где тебя искать.

Он приумолк и поглядел на гаснущее небо.

– У тебя еще есть шанс все исправить. Может, ты сможешь это сделать, покуда я еще жив и брыкаюсь. А если нет, то и ладно. Главное, чтобы ты к этому пришел. Таково будет мое

наследство, – добавил он со слабой усмешкой.

– Он теперь в ФБР, – вклинилась Джеймисон. – Берлингтон и ваше дело в его епархию больше не входят.

Хокинс растерянно развел руками.

– Я слышал, ты ратуешь за правду, Декер. Неужели я ослышался? Если так, то жаль: такой долгий путь проделан впустую.

Не услышав ответа, Хокинс вынул клочок бумаги.

– Я буду в городе еще два дня. Вот адрес. Может, свидимся, может, нет. От тебя зависит. Но если не придешь, то на тебе повиснет здоровенный хер с того света.

Декер взял бумажку, по-прежнему не говоря ни слова.

Хокинс взглянул на два одинаковых надгробия.

– Ланкастер рассказывала мне о твоей семье. Рад, что ты нашел их убийцу. Но полагаю, что ты так и живешь с ощущением вины, хотя на тебе ее нет. Мне это, черт возьми, понятно, как никому другому.

Хокинс повернулся и, удаляясь, медленно побрел между могилами, пока темнота не поглотила его целиком.

Джеймисон резко повернулась к Декеру:

– Ладно. Пускай я ничего об этой истории не знаю, но все равно бред сивой кобылы. Он просто дразнит тебя, беря чувство вины. Не могу поверить, чтобы этот тип просто так явился сюда и подлез, улучив момент, когда ты пытался... увидеться со своей семьей.

Декер опустил взгляд на листок бумаги. По лицу было яс-

но, что душу ему берedit некое сомнение.

Джеймисон наблюдала с безропотным видом.

– Ты, наверное, думаешь с ним увидеться?

– Нет. Пока не повидаюсь еще кое с кем.

Глава 2

Декер одиноко стоял на крыльце. Джеймисон он попросил с ним не ехать. Этот визит лучше было совершить в одиночку по ряду причин.

На этом полувековом двухуровневом ранчо ему помнился каждый дюйм. Не только из-за фотографической памяти, но и потому, что этот дом был почти точной копией того, в котором он сам когда-то жил со своей семьей.

Мэри Ланкастер, ее муж Эрл и дочь Сэнди жили здесь с той поры, как Ланкастер начала службу в полиции Берлингтона, в той же должности, что и Декер. Эрл был подрядчиком, но работал с перерывами из-за того, что Сэнди была ребенком с особенностями, а значит, требовала много родительского времени и внимания. Так что Мэри долгое время была в семье главной добытчицей.

Декер подошел к двери. Еще немного постояв, собирался постучать, но та открылась сама.

На пороге стояла Мэри в линялых джинсах, алой толстовке и темно-синих кроссовках. Когда-то волосы у нее были светло-русыми. Теперь пегие седины неопрятно свисали ей на плечи. В одной руке у нее тлела сигарета, пуская нитку дыма вверх по худому бедру. Лицо в сети мелких морщинок, как увеличенный отпечаток пальца. С Декером она была одного возраста, но выглядела на десяток лет старше.

– Надо же. Я как чувствовала: сегодня вечером повидаемся, – скрипнула она сипотцой курильщицы. – Входи давай.

Он тайком глянул, не подрагивает ли у нее левая рука (раньше Мэри сжимала ею пистолет). Вроде незаметно.

«Ладно, в целом неплохо».

Мэри Ланкастер повернулась, и он, прикрыв дверь, вслед за ней последовал в дом. Учтывая разницу в росте, Мэри напоминала буксир, ведущий грузовое судно к причалу. Или же на скалы, в зависимости от того, как все обернется. Исход пока неясен.

От глаза не укрывалось и то, что Ланкастер, и так-то худая, сейчас смотрелась еще более изнуренно. Мослы под свободной одеждой торчали угловато, будто туда засунули несколько вешалок.

– Что, жвачка перестала действовать? – поинтересовался он, глядя на огонек сигареты.

Они сидели в гостиной – небольшом пространстве, тесноватом из-за наваленных игрушек, стопок журналов и газет, каких-то коробок (чего здесь только не было,хлама хоть отбавляй). Собственно, ее дом никогда не отличался ухоженностью. Незадолго до отъезда Декера Ланкастеры обзавелись домработницей, но это, видимо, породило целый ряд новых неурядиц. И тогда супруги, вероятно, решили, что лучше жить запинаясь о вещи – неопрятно, зато привычно.

Мэри затянулась своим «Кэмелом» и пустила ноздрями синеватые струйки дыма.

– Так, позволяю себе раз в день, примерно в это время, и только когда Эрла с Сэнди нет дома. А потом освежителем все насквозь пропшикиваю.

На попытке сделать глубокий вдох Декер закашлялся.

– Пшикать надо понадежней.

– Я так понимаю, тебя нашел Мерил Хокинс?

Декер кивнул:

– Сказал, что это ты ему сообщила, где я нахожусь.

– Ну да. А что?

– Не очень красиво с твоей стороны. Ты же знаешь, *зачем* я приехал в город. И предупредил тебя заранее.

Мэри Ланкастер откинулась на спинку кресла и ногтем поскребла пятнышко на коже.

– Сказала не с бухты-барухты, поверь. И потом, тебе самому могло быть интересно.

– Хокинс еще сказал, что ты ему поверила.

– Ну, здесь он загнул. Я лишь сказала, что понимаю его точку зрения.

– В чем же это понимание?

– Зачем ему, по-твоему, возвращаться сюда полуживым и с просьбой обелить его имя, если на нем действительно была вина?

– Причина на ум приходит одна: потешить самолюбие.

Сделав затяжку, она качнула головой:

– Я так не считаю. Когда близится конец, мыслить начинаешь по-другому. Дорожить каждой минутой.

Декер оглядел открытые картонные коробки.

– Вы тут что, съезжаете?

– Может статья.

– Что значит «может»? Переезжаете или нет?

Мэри Ланкастер пожала плечами:

– Назови мне место, где жить хорошо.

– А в Берлингтоне жить уже не вмоготу?

– Здесь все как было.

– Безработица по стране вроде идет на убыль.

– У нас работы за доллар в час тоже завались. Если ты можешь прожить на двадцать тысяч в год, флаг тебе в руки.

– А где Эрл и Сэнди?

– Уехали по учебным делам. Эрл здесь большой спец, чем я. Работа последнее время просто кошмар. Гнусные времена порождают гнусные преступления. Много связанного с наркотой.

– Да, я в курсе. Почему, интересно, к тебе появился Хокинс?

– Мы ж с тобой работали над этим делом вместе. Наше первое расследование убийства.

– Когда именно он вышел? И он что, действительно смертельно болен? По виду определенно да.

– В участок он притащился два дня назад. Меня как током ударило. Я сначала подумала, что он сбежал или что-нибудь в этом роде. Россказней его не послушала, а моментально связалась с тюрьмой. Оказалось, насчет онкологии все прав-

да. И про освобождение тоже.

– То есть они могут запросто выбрасывать смертельно больных, чтобы те подышали сами?

– Видимо, некоторые считают это хорошей тактикой сокращения расходов.

– Он мне сказал, что пробудет в городе еще пару дней. Остановился в «Резиденс Инн».

– Там, где раньше жил ты.

– Ему бы не мешало малость откормиться в буфете, но сомневаюсь, что у него есть аппетит. А обходится, говорит, в основном наркотой, что добывает на улице.

– Печальное положение дел.

– Он хочет встретиться со мной снова.

Мэри, чуть прищурившись, как следует затянулась.

– Не сомневаюсь.

– Даже на кладбище меня нашел.

Еще одна жадная затяжка, после чего вмяла сигарету в пепельницу, что на соседнем столике. И посмотрела с сожалением.

– Мне жаль, что так вышло. Я не сказала ему конкретно, зачем ты в городе, хотя он выпрашивал сегодня в участке: утром опять пришел. Я ему рассказала немного о твоей семье. И между прочим, не говорила ему идти на кладбище. – Ее светлые цепкие глаза неотрывно смотрели на Декера. – Ты, наверное, уже прокрутил в голове то дело в мельчайших подробностях?

– А то. И не вижу, кстати, с нашей стороны никаких спорных моментов. Мы осмотрели место преступления, собрали улики. Все они указывали на Хокинса как лазерная указка. Он был арестован и пошел под суд. Мы дали показания. Защитник Хокинса пропустил нас обоих через перекрестный допрос с пристрастием. И присяжные признали его виновным. Хокинс получил пожизненное без права на УДО, хотя мог схлопотать и смертную казнь. Так что, по-моему, все обоснованно.

Ланкастер утомленно прикрыла глаза.

Декер сочувственно на нее посмотрел.

– Мэри, что-то вид у тебя неважнецкий.

– Неважнецким он у меня был весь последний десяток лет, Амос. Уж кому, как не тебе, это знать.

– И все же.

– А ты после ухода от нас здорово схуднул.

– Это все стараниями Джеймисон. Следит, чтобы я занимался и не жрал что попало. Сама много что готовит. Салаты всякие, овощи, еще этот *тофу*. Значок ФБР, звание – все пробила своим старанием, молодчина. Я действительно ею горжусь.

– Так вы, значит, теперь живете вместе? – с деликатным подъемом бровей спросила Ланкастер.

– Если иметь в виду, что у нас квартиры в одном доме, то, получается, да.

– Ага. Значит, вы все же больше, чем просто коллеги?

– Мэри, я намного старше ее.

– Ты не ответил на мой вопрос. И тоже мне, удивил: сейчас многие немолодые мужчины встречаются с женщинами – дочерьми по возрасту.

– Нет, мы всего лишь *партнеры* по работе.

– Ну хорошо, – она подалась вперед. – Так что по Хокинсу?

– А вот что: откуда у тебя сомнения? Дело ведь было абсолютно ясным?

– В том-то и дело. Ясным даже *чересчур*.

– Полное отсутствие логики. И какие у тебя аргументы?

– Никаких. Я даже не знаю, говорит он правду или нет. Но просто думаю: если этот доходяга на последнем издыхании приползает сюда, чтобы очистить свое имя, то, может, стоит посмотреть на дело еще раз?

Декер задумчиво помолчал, а затем сказал:

– Хорошо. Ну так давай прямо сейчас?

– Что именно? – опешила она.

– Наведаемся на места убийства. Туда наверняка с той поры никто не заглядывал, особенно после того, что там случилось. В дом, где я когда-то жил, – добавил он после паузы.

– Вот тут ты ошибаешься. Как раз в тот твой дом кое-кто заехал.

– Вот как? – изумился Декер. – И кто?

– Молодая пара с маленькой девочкой. Хендерсоны.

– Ты их знаешь?

– Да не особо. Но в курсе, что они там поселились с полгода назад.

– А то, второе место? Там тоже кто-нибудь живет?

– И туда заехали, лет пять назад. Но в прошлом году отчалили, когда закрылся завод пластмасс, и умотали на Средний Запад, где заводы еще есть. С тех пор то место стоит заброшенное.

Декер встал с кресла.

– Ну так что, двинули? Как в старые добрые времена.

– «Старые» не значит «добрые», – буркнула Ланкастер, но тоже поднялась и ухватила со стенной вешалки пальто. – А если окажется, что Хокинс говорил правду, что тогда? – спросила она на пути к двери.

– Тогда надо будет выяснить, кто на самом деле это совершил. Но мы к этому еще не подобрались. Даже близко.

– Декер, ты ведь здесь больше не работаешь. Искать здесь убийцу после стольких лет – не твоя работа.

– Моя единственная работа – находить убийц. Где бы они ни были.

Глава 3

Дом Ричардсов. Место преступления, свершившегося тринадцать лет назад. Вдоль по изрытой колеями щебеночной дороге. Два дома слева и два справа, и вот оно, ныне обветшалое жилище Ричардсов, в конце тупика на обширном участке мертвой травы и жирно разросшихся кустов.

Одиноким и жутковатым оно было уже тогда, а спустя десятилетие стало еще неприглядней.

Декер остановил машину перед домом. Когда они из нее выбрались, Ланкастер поежилась, и не только из-за вечерней прохлады.

– Не так уж сильно изменилось, – проронил Декер.

– Семья, что здесь жила, до отъезда дом немного отремонтировала. Иначе как тут жить? Ремонт в основном внутри: покраска, ковролин, всякое такое. Место давно уже заброшенное стоит. Никто не селится после того, что здесь произошло.

– Вообще банкир мог обзавестись чем-нибудь поприличней.

– В банке он был агентом по займам. А здесь они поселились как в скворе⁸, для нашего городишки обычная история. Хотя этот дом намного крупнее моего. И земли вон сколько.

⁸ Самовольно занятое помещение.

Они подошли к переднему крыльцу. Декер попробовал дверь.

– Заперто.

– Почему б тебе ее не открыть? – усмехнулась Ланкастер.

– Ты даешь мне разрешение на взлом с проникновением?

– Можно подумать, в первый раз. К тому же это не свежий объект, не наследим.

Коротким ударом Декер высадил боковое стекло, потянулся и отпер дверь изнутри. Черкнув лучом включенного фонарика, он позвал свою напарницу внутрь.

– Вспоминаешь? – спросила она. – Вопрос, конечно, риторический.

Декер ее как будто не слышал. В мыслях он был тем новоиспеченным следователем убойного отдела – после десяти лет на побегушках, а затем еще нескольких на грабежах, кражах и делах с наркотой. И вот первое серьезное задание: вместе с Ланкастер они выехали в дом Ричардсов после сообщения о насильственных действиях и обнаружении трупов первыми свидетелями. Это было их первое расследование убийства, и оба боялись оступиться.

Мэри Ланкастер – тогда еще новобранец в полицейской форме – нарочито не пользовалась косметикой, как будто стесняясь своего женского обличья. В отделе она была единственной женщиной, которая сидела постоянно за столом и не заваривала для персонала кофе. Единственная наделенная правом носить оружие, арестовывать и зачитывать пра-

ва задержанным. А при особой надобности так и лишать их жизни.

Тогда она еще не курила. Привычка появилась тогда, когда она занялась следственной работой вместе с Декером, все больше и больше времени проводя с мертвыми телами и занимаясь поимкой убийц, которые насильно лишили их жизни. Тогда она была и поплотнее. Но это был здоровый вес. Мэри Ланкастер пользовалась репутацией спокойного, обстоятельного копа, у которого в любой ситуации есть три или четыре плана действий. Страх она не знала, а будучи патрульной, заслужила множество похвал за свой стиль работы. Из заварух все, слава богу, выходили живыми. То же самое и когда она работала детективом.

Декер же, напротив, слыл самым двинутым сукиным сыном из всех, кто когда-либо носил полицейскую бляху Берлингтона. И все же никто не смел отрицать его огромного служебного потенциала. И этот потенциал полностью реализовался, когда он стал детективом и напарником Мэри Ланкастер. Они не завалили ни одного порученного дела. Их послужному списку мог позавидовать любой другой полицейский отдел, большой или маленький.

Они знали друг друга и раньше, так как росли и учились в одной среде, но на профессиональном поприще почти не общались, пока не сменили униформу на гражданские костюмы детективов.

Сейчас Декер шаг за шагом вспоминал ту ночь, в то время

как Ланкастер наблюдала за ним из угла гостиной.

– Копы по радиации сообщили о драке со стрельбой. Звонок поступил в девять тридцать пять. Через пять минут прибыли две патрульные машины. В дом вошли через минуту после проверки периметра. Входная дверь была не заперта.

Он переместился в другую часть комнаты.

– Жертва номер один, Дэвид Кац, была найдена здесь, – он указал на пяточок возле двери в кухню. – Тридцать пять лет. Два пулевых отверстия. Первое от выстрела в левый висок. Вторая пуля пришлась в затылок. Оба выстрела смертельны. – Он указал еще на одно место рядом с дверью. – Здесь нашли пивную бутылку. А на ней его отпечатки. Бутылка уцелела, но пиво было разбрызгано по всему полу.

– Кацу принадлежал «Американ Гриль», местный ресторанчик, – добавила Ланкастер. – А сюда он зашел в гости.

– И никаких доказательств, что охота шла именно за ним, – сказал Декер.

– Никаких, – подтвердила Ланкастер. – Неудачное место, неудачное время. Как с Роном Голдманом в деле О. Джей Симпсона⁹. Парню действительно не повезло.

Они перешли на кухню. Там были только грязный линолеум, покорябанные шкафы да раковина в пятнах ржавчины.

⁹ Имеется в виду знаменитое дело: в 1995 г. актер и бывший игрок Национальной футбольной лиги О. Джей Симпсон несмотря на наличие множества улик был оправдан уголовным судом по обвинению в убийстве своей бывшей жены Николь и ее друга Рона Голдмана; в дальнейшем Симпсон проиграл гражданский суд по тем же обвинениям.

– Жертва номер два, Дональд Ричардс, все звали его Дон. Сорок четыре года, агент по кредитованию. Одиночная пуля в сердце, упал вот здесь. Тоже мгновенная смерть.

Ланкастер кивнула.

– С Кацем был знаком, потому что банк ранее одобрил кредит Кацу для проекта «Американ Гриль».

Декер вернулся в гостиную и посмотрел на лестницу, ведущую на второй этаж.

– Теперь две последние жертвы.

Они поднялись по ступеням, оказавшись на площадке второго этажа.

– Вот эти две спальни, – Декер указал на две двери, одна напротив другой.

Он толкнул ту, что слева, и вошел. Ланкастер зашла следом.

– Жертва номер три, – объявил Декер. – Эбигейл «Эбби» Ричардс. Возраст двенадцать лет.

– Задушена. Найдена на кровати. На шее следы, указывающие на применение чего-то вроде веревки. Убийца забрал ее с собой.

– Ее смерть мгновенной назвать нельзя, – сказал Декер. – И она упорно сопротивлялась. А под ногтями у нее обнаружили следы ДНК Мерила Хокинса, – многозначительно заметил Декер. – Значит, в каком-то смысле она его одолела.

Декер вышел из комнаты и через коридор прошел в спальню. Ланкастер последовала за ним. Декер заученно подошел

к некой точке у стены и указал:

– Жертва номер четыре. Фрэнки Ричардс. Возраст четырнадцать лет. Только что поступил в старшую школу. Найден на полу прямо здесь. Однократное попадание в сердце.

– В комнате обнаружены кое-какие причиндалы для приема наркотиков и спрятанная денежная сумма, достаточная для предположения, что он был не просто потребителем, но и дилером, – в тон ему сказала Ланкастер. – Только увязать все это с убийствами никак не получалось. Мы выследили человека, который его снабжал, – это был Карл Стивенс. Мелкая сошка. И это никак не могло послужить мотивом для убийства четверых человек. К тому же у Стивенса было железное алиби.

Декер кивнул.

– Нас вызвали в девять двадцать одну. Через четырнадцать минут мы прибыли сюда на машине.

Он прислонился к стене и выглянул в окно, выходящее на улицу.

– Четыре соседних дома. В двух из них той ночью были люди. Но никто из них ничего не видел и не слышал. Убийца пришел и ушел незримый и неслышанный.

– Но потом, при осмотре дома, ты нашел нечто такое, что все изменило.

Декер повел Мэри Ланкастер вниз по лестнице в гостиную.

– Отпечаток большого пальца на стенном выключателе

вместе с кровавым следом Каца.

– А еще кожу преступника, кровь и генетический материал под ногтями Эбби. В борьбе с нападавшим на нее преступником.

– Он душит ее повязкой, а она хватает его за руки, чтобы воспрепятствовать, и материал переносится. Это известно любому, мало-мальски знакомому с методами криминалистического анализа.

Рука Ланкастер мелькнула к карману и наружу появилась уже с пачкой сигарет. Декер саркастично наблюдал, как его коллега прикуривает.

– Что, спешишь надымиться впрок?

– Уж полночь близится, а я под стрессом. Так что извини, ну тебя к черту.

Пепел она стряхивала на пол.

– Отпечатки Хокинса были в базе данных, потому что фирма, в которой он раньше работал, выполняла кое-какие оборонные заказы. Там сняли отпечатки пальцев и прокачали весь персонал. Когда пальчики у Хокинса совпали, мы оформили ордер на обыск его дома.

Декер перенял эстафету:

– На основании отпечатков его задержали и доставили в участок, где сделали мазок со щеки. ДНК на нем совпала с материалом, найденным под ногтями Эбби. Алиби у Хокинса на всю ту ночь не было. А тут еще во время обыска дома у него обнаружили «кольт» сорок пятого калибра, спрятанный

в стенном тайнике за шкафом. Результаты баллистической экспертизы досконально подтвердили: это, без сомнения, то орудие убийства. Хокинс сказал, что ствол этот впервые видит и не знает, как он к нему попал. А о существовании тайника, мол, даже не догадывался. Мы отследили этот пистолет. Он оказался украден из оружейного магазина пару лет назад. Серийные номера спилены. Вероятно, с тех пор его использовали в целом ряде преступлений. А потом он оказался в шкафу у Хокинса. – Декер взглянул на свою напарницу. – Отсюда вопрос: почему ты думаешь, что мы могли ошибаться? По мне, так доводы просто железобетонные.

Ланкастер покрутила в пальцах зажженную сигарету.

– Я все время мысленно возвращаюсь к этому умирающему, который нашел время и силы приехать сюда, чтобы обелить свое имя. Для него не секрет, что все шансы против него. Зачем, казалось бы, тратить впустую те считанные деньки, что ему отпущены?

– А что ему еще остается? – не уступал Декер. – Я не говорю, что Хокинс явился в этот дом, чтобы завалить четверых человек. Вероятно, он его выбрал для преступления поменьше – скажем, кражи со взломом, – а тут вдруг все пошло разрастаться как снежный ком. Ты же знаешь, Мэри, такое случается. Преступники под стрессом теряют остатки самообладания.

– Но ты же знаешь его мотив преступления, – возразила Ланкастер. – Это выяснилось на суде. Не признав до конца

его вины, защита попыталась наскрести на этом несколько сочувственных баллов. Возможно, именно поэтому смертную казнь ему заменили на пожизненное.

Декер кивнул:

– Его жена была смертельно больна. Он нуждался в деньгах на ее обезболивающее. Его турнули с работы и лишили страховки. У его взрослой дочери были проблемы с наркотиками, и он пытался устроить ее в реабилитационный центр. В который уже раз. Поэтому и увел кредитки, драгоценности, ноутбук, DVD-плеер, небольшой телевизор, несколько часов и прочее разное из того дома и у своих жертв. Все сходится. Помыслы у него, возможно, были и светлые, но методы по их воплощению явно нет.

– Но ни один из тех предметов так и не нашелся. Ни в доме у него, ни в каком-нибудь ломбарде. Так что никаких денег он на этом не поднял.

– Зато деньги были у него в кармане во время ареста, – заметил Дерек. – У нас бы никогда не получилось доказать, что они были нажиты от продажи краденого, да и он вполне мог испугаться и после убийств залечь на дно. Именно это утверждал на суде обвинитель, а читая протокол присяжных, можно сделать вывод: он нажился на продаже тех вещей. Такой вот недвусмысленный вывод.

– Но никто из соседей не видел, чтобы подъезжала или отъезжала какая-нибудь машина, кроме машины Дэвида Каца, – с нового угла зашла Ланкастер.

– Ты же знаешь, Мэри, что в ту ночь бушевал истинный ад. Дождь лил как из ведра. Почти ничего не было видно. И если Хокинс не включал фары своей машины, то, возможно, его никто и не увидел.

– Не видеть – это ладно. Но чтобы и *не слышать*? – не сдавалась Мэри Ланкастер.

– А шум ливня, вой ветра? Короче, теперь я вижу, ты действительно сомневаешься в этом деле.

– Сомневаюсь или нет, не об этом речь. Я просто говорю, что оно заслуживает более вдумчивой проверки.

– Не вижу, каким образом.

– А я, несмотря на твои слова, могу сказать: тебя, по крайней мере, получилось расшевелить.

Она сделала паузу на еще одну затяжку.

– К тому же есть вопрос насчет Сьюзан Ричардс.

– Жена убитого? В тот день она выехала часов в пять, сделала кое-какие дела, съездил на родительское собрание, потом посидела за стаканчиком с подругами. Все подтверждено. Домой она вернулась к одиннадцати. А когда застала там нас и узнала о случившемся, у нее началась истерика.

– Ты был вынужден ее держать, иначе, мне кажется, она бы с собой что-нибудь сотворила.

– Виновный человек так себя не ведет. А у Дона Ричардса был всего лишь страховой полис на пятьдесят тысяч, который он получил от своей работы в банке.

– Я знаю людей, которые убивали и за суммы гораздо

меньшие. Ты, кстати, тоже.

– Так, – решительно сказал Декер. – Едем.

– Куда?

– К Мерилу Хокинсу, куда ж еще?

* * *

Паркуя машину перед отелем «Резиденс Инн», Декер на мгновение ощутил подобие дежавю. Здесь он некоторое время жил после выселения из дома, где нашел убитой свою семью. С той поры это место почти не изменилось. Оно и с самого начала было дерьмовое. А теперь дерьмовость только усугубилась. Удивительно, что эта халабуда все еще стоит.

Они вошли внутрь, и Декер быстро и искоса глянул налево, где располагался небольшой дайнер. Его он использовал как свой неофициальный офис, когда встречался с клиентурой, желающей нанять его в качестве частного детектива. За относительно короткое время была проделан долгий путь. А все могло легко пойти по другой стезе. Запросто можно было довести себя до инфаркта и сдохнуть в картонной коробке на парковке «Уолмарта», где он несколько дней ютился, прежде чем перебраться в более сносный уют «Резиденс Инн».

Завидев в вестибюле свою нынешнюю коллегу, Декер сделал вид, что не удивлен.

Джеймисон кивнула Ланкастер, а прочитав мимику Декера, иронично спросила:

– Ты, наверное, ждал, что я появлюсь?

– Сказать, что совсем не ждал, будет ложью, – вздохнул тот. – Тем более что ты видела листок с адресом.

– Материалы про то убийство я почитала в онлайне, – сказала Джеймисон. – Выглядит вполне себе как броня.

– Мы это как раз сейчас обсуждали, – откликнулась Ланкастер. – Есть подозрение, что броня та ржавая. – Она посмотрела на бейдж, висящий у Джеймисон на уровне бедра. – Слышала, вы теперь настоящий агент ФБР? Поздравления.

– Спасибо. Вот, сделала очередной логический шаг, думая, что Декеру будет от этого чуточку лучше.

– Что ж, удачи. Я как ни старалась, мне с ним никакие бейджи не помогли.

– Он в четырнадцатом номере, – прервал их обмен Декер. – Поднимаемся.

Цепочкой они поднялись на второй этаж и коридором прошли к двери. Декер постучал. В ответ молчок. Постучал снова:

– Мистер Хокинс? Это Амос Декер.

Изнутри ни звука.

– Может, вышел? – спросила вполголоса Джеймисон.

– Куда? – покривился Декер.

– Ну-ка, я сейчас проверю, – сказала Ланкастер и поспешила вниз.

Через минуту она возвратилась.

– Портье говорит, он пришел пару часов назад и после

этого не выходил.

Декер постучал сильнее.

– Мистер Хокинс! С вами все в порядке? – Он поглядел на своих спутниц. – Может, ему плохо?

– Или умер, – сказала Ланкастер, – при его-то состоянии.

– Лежит, наверно, без чувств, – высказала предположение Джеймисон, – или с дозой перебрал. Он же сказал, что берет на улице дурь как обезболивающее. Эти типы, они ж непредсказуемые.

Декер попробовал дверь – заперта. Тогда он приложился к дверному полотну плечом и поднажал раз, другой. Под его внушительным весом дверь поддалась и, хрустнув, отошла от притолоки.

Они вошли в номер и огляделись.

По ту сторону кровати в кресле сидел Хокинс.

Явно мертвый. Но не от рака.

По центру лба у старика красным пятнышком виднелось отверстие от пули. Она-то и опередила рак.

Глава 4

«Стало быть, покойник скончался от убийства».

Напоминает затравку какого-нибудь на редкость дурного анекдота. Смертельно больной раком старик, жить которому осталось всего-то несколько дней или недель, получает пулю, которая подхлестывает его и без того скорый конец.

Декер думал об этом, прислонясь к стенке номера Мерила Хокинса, в то время как двое криминалистов неторопливо выполняли свои профессиональные обязанности.

Врачи «Скорой» уже пришли и констатировали смерть. Затем прибыл судмедэксперт и сообщил им очевидное: смерть наступила от единственного выстрела в мозг. Выходного отверстия не было. Вероятно, «мелкашка», но не менее смертоносная, чем здоровенный «магнум», учитывая сравнительно мягкую и неподвижную мишень.

«Смерть наступила мгновенно» – сказал медэксперт. – И безболезненно.

«А им-то откуда это известно?» – мысленно усмехнулся Декер.

Вряд ли они могли задним числом допросить жертву.

«Простите, вам было не больно, когда вам вышибали мозги?»

Примечательны были следы ожогов на лбу. Чтобы оста-

вить такой отпечаток, дуло пистолета должно было либо соприкасаться с кожей, либо находиться буквально в дюйме от нее. Это все равно что соприкасаться с раскаленным железом. Оставленный след был бы невозможен, если бы расстояние измерялось метрами. Здесь свою работу сделали газы, выпущенные из пистолета при нажатии крючка.

Декер поглядывал на Мэри Ланкастер, которая наблюдала за группой криминалистов. За дверью с усталыми пресными лицами маячили двое копов в форме. Джеймисон, прислонившись к другой стене, с интересом следила за происходящим.

Наконец Ланкастер подошла к Декеру; к ним не замедлила присоединиться и Джеймисон.

– Взяли показания. Никто ничего не видел и не слышал.

– Хм. Точно так же, как тогда Хокинс вошел в дом Ричардсов и завалил их всех, – сказал Декер.

– Номера по обе стороны пустуют. Что, если преступник действовал с глушителем?

– Когда я здесь жил, там сзади была дверь, которая никогда толком не запиралась, – поведал Декер. – Убийца мог через нее прийти и уйти, а на регистрации никто бы и ухом не повел.

– Я все это проверю. Дверь у Хокинса была заперта, пока ты ее не вскрыл.

– Возможно, убийцу он впустил, – рассудила Джеймисон. – А при выходе эти двери закрываются автоматически.

Время смерти?

– Примерно между одиннадцатью и полуночью.

Декер взглянул на часы.

– Получается, мы не так уж сильно с ними разминулись.

А если б мы сначала пришли сюда, а не к Ричардсам?

– Задним умом ты крепок однозначно, – похвалила Ланкастер.

– Декер?

Он обернулся; у дверей стояла женщина в синем комбезе и бахилах – один из рядовых экспертов на месте преступления. Лет за тридцать, долговязая, с рыжей гривой и россыпью веснушек на лице.

– Келли Фейрвезер? – определил он.

– Ого, помнишь? – улыбчиво удивилась она.

– Можно сказать, забыть не могу, – сказал Декер без тени иронии.

Фейрвезер кивком указала на мертвеца:

– А я его помню.

– Еще бы, – подроспела Ланкастер. – Ты ведь работала на месте преступления у Ричардсов?

– Ну да. Мой первый год. Четыре жертвы, из них двое дети. Для меня настоящее боевое крещение. А ты здесь каким боком, Декер?

– Да так. Просто пытаюсь во все вникнуть.

– А. Ну вникай. Лично я всегда считала, что Хокинсу не мешало бы рано или поздно получить за содеянное. Но не в

таким, конечно, виде.

– Да уж, конечно, – льдисто усмехнулась Ланкастер.

Фейрвезер восприняла это как вежливый призыв заткнуться и шагать дальше.

– Ладно, Декер. Приятно было пересечься.

Когда она отошла, Декер приблизился и встал непосредственно перед мертвецом, который все еще сидел как статуя. Сюда же подошли Ланкастер с Джеймисон.

– Итак, стрелок подходит к Хокинсу, который сидит в этом кресле, приставляет пистолет к его лбу и жмет на курок. – Он огляделся по сторонам. – И никаких следов борьбы?

– Может, он спал, – неуверенно предположила Ланкастер.

– Впустив гостя, старикан садится в кресло и засыпает? – усмехнулась Джеймисон.

– Он нам говорил, что принимает наркотики, – сказал Декер. – Вы их не нашли?

Ланкастер покачала головой.

– Ни здесь, ни в ванной ничего нет. Ни оберток, ни пустых пузырьков из-под таблеток. Только сумка с одеждой да несколько долларов в бумажнике. Экспертиза покажет, было ли что-нибудь у него в организме.

Декер снова оглядел комнату, цепко вбирая памятью каждую деталь. Он уже проделывал это, но решил сделать еще раз. Последнее время память несколько раз его подводила, и не хотелось рисковать, чтобы что-нибудь оказалось упущен-

ным. Лучше сделать, так сказать, повторный снимок.

Желтушную кожу Хокинса подернуло бледностью – типичная картина при остановке кровотока. По крайней мере, рак его больше не донимал; со смертью он сразу же перестал разъедать ему внутренности. Если откровенно, то быстрая пуля предпочтительней медленной, мучительной кончины. Но все равно убийство есть убийство.

– Итак, мотивы и возможные подозреваемые? – задала вопрос Ланкастер.

– Не хочу быть банальным, но Сьюзан Ричардс все еще живет в этой округе? – спросил Декер.

– Ну, а где ж еще.

– Тогда я бы начал с этого, – сказал Декер.

Ланкастер взглянула на часы.

– Я распоряжусь, чтобы ее доставили в участок. Опросить ее мы можем там.

– Вы нас тоже хотите к этому привлечь? – насторожилась Джеймисон.

– А что, раз уж взялись, – невозмутимо сказала Ланкастер.

– Так у нас самих работы невпроворот, – завибрировала Джеймисон. – Иногда до ночи сидим.

– Ничего, я позвоню Богарту, – не очень уверенно сказал Декер.

Росс Богарт, опытный агент ФБР, возглавлял их компактную опергруппу.

– Ты что, действительно думаешь окунуться в это с голо-

вой? – осторожно спросила Джеймисон.

– А у меня, по-твоему, есть выбор? – вздохнул Декер.

– Выбор есть всегда, – сказала Ланкастер, знаяще глядя на Декера.

– Мне кажется, я о нем догадываюсь, – поджав губы, произнесла Джеймисон. – Декер, ты хорошо подумал? Надо как-то расставить приоритеты.

Он указал на труп и с нажимом сказал:

– *Вот* мой приоритет. Этот человек полуживой приезжает в город, говорит, что невиновен, и обращается ко мне и Ланкастер, чтобы доказать свою правоту. А тут его кто-то быстренько берет и устраняет.

– По твоей логике, это может быть и Сьюзан Ричардс, вдова убитого, за которого получил пожизненное Хокинс.

– Может, да, а может, и нет, – Декер сердито повернулся и вышел из номера.

Ланкастер посмотрела на Джеймисон.

– Некоторые явления на свете не меняются. Вроде него.

– Вы *мне* об этом рассказываете? – спросила Джеймисон со вздохом.

Глава 5

– Это неприемлемо, Декер, – сказал в трубке голос Росса Богарта. – То есть *вообще*.

Декер разговаривал по мобильному, направляясь в полицейский участок Берлингтона.

– Я понимаю ход твоей мысли, Росс.

– Понимать ничего не надо. Я у тебя однажды уже пошел на поводу, дав тебе волю в деле Мелвина Марса. И тогда, когда ты захотел остаться в Бэронвилле и работать там с делом, потому что оно было связано с семьей Алекс. Но я не могу потакать любой твоей прихоти, когда тебе заблагорассудится.

– Это не прихоть, это другое, – возразил Декер.

– Ты говоришь так всегда! – рыкнул Богарт. – Ты рвешь не только исключения из правил, но и сами правила. А надо бы тебе помнить, что ты служишь в ФБР.

– Прости, Росс. Это мой родной город. Я не в силах вернуться к нему спиной.

– То есть ты уже определился с выбором?

– Да.

– Тогда ты вынуждаешь меня поступить аналогичным образом.

– Росс, это все моя затея. Алекс не имеет к ней никакого отношения.

– Со спецагентом Алекс Джеймисон я разберусь отдельно. Линия смолкла. Декер медленно отложил трубку.
«Ну вот. Похоже, твои дни в ФБР сочтены».
Он поглядел на Ланкастер, которая сидела рядом.
– Что, проблемы? – спросила она.
– Куда ж без них.
Они продолжали ехать.

* * *

Радости в Сьюзан Ричардс не наблюдалось.

– Вы меня за лохушку держите? Я убила того сукина сына? Да я б этим гордилась!

Декер и Ланкастер только что вошли в допросную при полицейском управлении. Джеймисон вернулась в свой отель, поскольку разрешения от Богарта насчет работы не поступило. И вряд ли, скорей всего, предвиделось. Со своей подчиненной Росс Богарт, наверное, уже связался.

Пришлось ждать несколько часов, пока оформлялись документы, чтобы доставить Ричардс в принудительном порядке после того, как она резко отказалась выполнить их просьбу добровольно. Разгоряченная вдова со сборами явно не торопилась, и детективам приходилось ее ждать, напряженно поглядывая на часы.

Между тем было уже около пяти утра.

Ланкастер, казалось, вот-вот свалится и заснет.

Декер, напротив, выражал своим видом готовность допрашивать ту даму хоть десяток лет. Шлакоблочные стены допросной были все того же желто-горчичного цвета, что и раньше. Почему именно так, непонятно – может, когда-то старожилы здания обнаружили в недрах подвала запасы старой краски. Родной серый цвет для шлакоблоков был бы, пожалуй, более к лицу. Но кому-то, видимо, хотелось сделать интерьер допросной «милее». Как известно, на вкус на цвет...

На момент потери семьи Сьюзан Ричардс было сорок два. Теперь ей было изрядно за пятьдесят. Возраст, надо сказать, пошел ей на пользу. Декеру она помнилась рослой, но пухловатой и похожей на мышь, со светло-каштановой гривой волос.

Сейчас она заметно постройнела, а прическа до плеч смотрелась стильно. Свои локоны Сьюзан осветлила, в них преобладали блондинистые пряди. Мышиность сменилась развязной напористостью, которая дала о себе знать, едва Декер и Ланкастер вошли в комнату.

Сидя от детективов через стол, Сьюзан Ричардс поочередно обежала их глазами.

– Минуточку! – зловеще пропела она. – Так вы же оба из *той ночи*. Теперь я вас узнаю. Вы знаете, какое на нем преступление. – Она подалась вперед, упершись острыми локтями в столешницу. – Знаете, что натворил этот ублюдок! – рывкнула она с яростью на лице.

– Именно поэтому, когда он был найден мертвым, мы и решили, что нам нужно поговорить с вами. Чтоб вы рассказали нам, где вы были между одиннадцатью и полуночью.

– А где мне, по-вашему, в этот час быть, как не спать у себя в постели?

– Кто-то может это подтвердить? – спросила Ланкастер.

– Я, между прочим, живу одна. Замуж так и не вышла. Вот что бывает, когда у вас уничтожают всю семью! – запальчиво крикнула она.

– Когда именно вы этим вечером прибыли домой? – задал вопрос Декер.

Ричардс поуспокоилась и откинулась на спинку стула.

– С работы уехала в шесть. Три дня в неделю я еще и волонтер в приюте для бездомных на Доусон-сквер. Была там вчера около восьми вечера. Там есть люди, которые могут за меня поручиться.

– А после? – спросила Ланкастер.

Ричардс развела руками:

– Поехала домой, приготовила ужин.

– Что именно? – допытывалась Ланкастер.

– Все как обычно. Копченый лосось на хрустящем хлебе со сливочным сыром и каперсами – они возбуждают аппетит; затем еще салат «Уолдорф», немного лингвини со свежими моллюсками, а на десерт, для души, кусочек тирамису. И все это под бокал моего любимого «просекко»¹⁰ со льдом.

¹⁰ Вид итальянского игристого вина.

– Вы серьезно? – переспросила Ланкастер.

Ричардс состроила гримаску.

– Да господи, конечно же, нет. Сделала себе сэндвич с тунцом и корнишоном, плюс кукурузные чипсы. «Просекко», уж извините, у меня нет; а вот чай охлажденный – пожалуйста.

– А затем что вы делали?

– Затем? Заказала кое-что по интернету – это вы, наверное, можете проверить. А потом к телевизору.

– Что смотрели? – осведомился Декер.

– Мой сериал. «*Чужестранка*». Действительно, знаете ли, мое. Второй сезон. Джейми и Клэр во Франции.

– Серия примерно о чем?

– Сплошная политическая ерундистика. И довольно интенсивная половая жизнь. – Она саркастически улыбнулась:

– Вам что, подробно сцены описать?

– Что было потом? – невозмутимо спросил Декер.

– Потом телевизор выключила, приняла душ – и баиньки. Проснулась, когда в дверь уже стучала полиция. Да что там «стучала» – колотила! – Сюзан Ричардс снова нахмурилась.

– Вы водите темно-зеленую «Хонду Цивик»? – спросила Ланкастер.

– Да. Только эта машина у меня и есть.

– А живете в Примроуз, на северной стороне?

– Да. Лет уже пять.

– И соседи есть?

– Как не быть. По обе стороны и через дорогу. – Она села прямее. – Кто-нибудь из них, кстати, может подтвердить, что я вечером была дома. Или что я хотя бы не ушла, когда приехала домой.

– Мы это проверим, – пообещала Ланкастер. – Вы знали, что Мерил Хокинс вернулся в город?

– Понятия не имела. Или вы думали, что он постучит в мою дверь за подаванием? Я вообще думала, что он за решеткой пожизненно. И до сих пор не знаю, как он оттуда вылез.

– У него был рак в последней стадии, поэтому его выпустили.

– Вот же хрень, – вырвалось у Ричардс. – Не поймите превратно, но я этого засранца ненавидела всеми фибрами. А его что, из-за болезни просто выкинули наружу подышать?

– По всей видимости, да. А он ни разу не пытался на вас выйти, установить контакт?

– Никогда в жизни. Если б так, я бы, может, *действительно* попыталась его убить. Но он не давал о себе знать, потому молчала и я.

Декер продолжал:

– По нашим сведениям, вы открыли цветочный магазин, верно? Случайно, не на страховую выплату за вашего мужа? Я, помнится, как-то проезжал мимо. Там, на Эш-Плейс?

Сюзан Ричардс посмотрела настороженно.

– Те страховые деньги ушли на похороны моей *семьи*. Существенная их часть. А потом надо было как-то жить даль-

ше. Неизвестно, как и на что.

– Ну а цветочный магазин? – не отступался Декер.

– После похорон денег осталось не так уж много. Да, я открыла цветочный магазин. Всегда любила садоводство, цветы. Все шло как надо. И на жизнь нормальную хватало. Я даже для вашего полицейского управления несколько праздничных мероприятий провела. А несколько лет назад магазин продала. Теперь я там управляю, но уже как менеджер новых владельцев. Когда созреет выплата по социалке, уйду на пенсию и буду ковыряться у себя в саду.

Ланкастер посмотрела на Декера:

– Что-нибудь еще?

Он покачал головой.

– Так как его убили? – полюбопытствовала Ричардс.

– Разглашать пока не время, – ответила Ланкастер.

– Тогда я могу идти?

– Да, вы свободны.

Ричардс поднялась и посмотрела на детективов.

– Я его не убивала, – тихо сказала она. – Тогда, много лет назад, я б, пожалуй, на это и решилась. Без проблем. Но, думаю, время в самом деле лечит.

И ушла без слов.

Ланкастер посмотрела на Декера внимательным взглядом.

– Ты ей веришь?

– Скажем так: не верить у меня нет оснований.

– В номере Хокинса не нашлось никаких годных к делу

отпечатков или других следов.

– Иного я и не ожидал.

– Так что теперь?

– Теперь? Делаем то же, что и всегда. Продолжаем копать.

Ланкастер взглянула на часы.

– Сейчас мне нужно домой, поспать, иначе опрокинусь килем кверху. Позже созвонимся. Тебе тоже надо отдохнуть.

Декер встал и вслед за ней вышел из комнаты.

– Могу подбросить тебя к твоему лежбищу, – предложила Ланкастер, когда они вышли на улицу.

– Спасибо, я лучше пешком. Тут не так уж далеко.

Она снова улыбнулась:

– Чертовски приятно опять работать с тобой.

– Ты забыла, с кем связалась.

– Не пугай. К твоим закидонам я уже привычна.

– Это ты *сейчас* так говоришь.

Он повернулся и зашагал прочь, навстречу розоватому рассвету.

Глава 6

Пока Декер брел по тротуару, с неба начал накрапывать легкий дождик. Как-то странно было вновь расследовать преступление у себя в родном городе. В последний раз это было связано с убийством его семьи. На этот раз все обстояло иначе, но все равно как-то угнетало.

«Будто я причастен к осуждению невиновного».

На ходу он поглядывал по сторонам. В свое время Декер решил не возвращаться сюда ни на дни рождения Кэсси, ни на годовщины их свадьбы. Это было бы просто невыносимо. Тем не менее он постоянно навещался на дни рождения их дочери. Просто чувствовал необходимость быть здесь в эти рубежные моменты, хотя каждый такой визит его эмоционально обескровливал.

Длинные ноги пронесли Декера мимо того места, где он нынче остановился, и через несколько миль он добрался до старого квартала. Было уже светло. Он замедлил шаг и встал на углу, созерцая то место, которое когда-то считал своим домом.

Последний раз он здесь был два года назад. Все смотрелось на удивление неизменным, как будто время с его последнего визита застыло. Только на подъездной дорожке стояли две незнакомые машины – «Форд пикап», и «Ниссан Сентра».

Пока он там стоял, из боковой двери показались мужчина лет тридцати с небольшим и девочка лет семи. Девочка несла школьный рюкзачок, а мужчина рассеянно глядел себе под ноги. На нем были бежевые брюки, а из-под ветровки проглядывала белая рубашка. В одной руке он держал тощий портфель. Девочка, зевая, потирала глаза. Они забрались в пикап и задним ходом сдали с подъездной дорожки. Именно в этот момент мужчина заметил Декера, который стоял и смотрел на дом.

– Чем-то помочь, приятель? – опустив окно, спросил он.

Декер пригляделся.

– Вы, наверное, Хендерсон?

В глазах мужчины мелькнуло подозрение.

– Откуда вы знаете?

– Один знакомый сказал. – Декер указал на дом. – Когда-то я здесь жил.

Взгляд Хендерсона прошелся по Декеру.

– Понятно. Что-нибудь тут забыли?

– Да нет. Я... э-э... – голос Декера осекся, а вид был сконфуженный.

– Вы уж извините, – сказал Хендерсон, – но немного странно: вы тут стоите в такую рань и наблюдаете за моим домом.

Декер вытащил из кармана свое удостоверение и предъявил Хендерсону.

– Мой друг из полиции сказал, что вы купили этот дом.

– Постойте-ка, – бормотнул Хендерсон, разглядывая фэб-ээровское удостоверение. – Амос Декер?

– Да.

Хендерсон кивнул, внезапно обеспокоенный.

– Я тут слышал... – он мельком взглянул на свою дочь, которая внимательно слушала этот диалог.

– Все нормально. В любом случае хорошего дня. Надеюсь, вам нравится и дом, и окрестности. Хорошее место для семьи с детьми.

Декер повернулся и двинулся восвояси; Хендерсон уехал в другую сторону. Надо же, какая глупость: припереться сюда. Напрасно всполошил парня. И ради чего? Вообще не надо было устраивать здесь прогулку по памятным местам. Все и так сидит в голове, в нетронutom виде.

Навек. Со всей непреходящей болью.

Он повернул назад и дошел до отеля, где они остановились с Джеймисон. Как раз с ней он и столкнулся возле лифта, на котором она спустилась в вестибюль.

– Бог ты мой! Декер, ты что, сейчас только подошел? – изумилась она, оглядывая его несвежую мокрую одежду.

– И тебе доброго утра. Как насчет позавтракать?

Следом за ним она прошла в ресторанный зону рядом с вестибюлем. Здесь они сели и заказали еды из меню.

– Ну так что? – пригубивая кофе, спросила Джеймисон. – От Сюзан Ричардс был какой-то толк?

– К убийству она не причастна, если ты об этом. Хотя али-

би надежного нет. Говорит, что видела девятый сон дома.

– Учитывая время суток, похоже на то.

– Параметры мы, вероятно, сумеем сузить, поговорив с соседями. Скорей всего, она не при делах. Говорит, даже не знала, что он снова в городе. Что выглядит совершенно логичным.

– Если только не увидела его на улице.

– Я видел его и не узнал! – воскликнул Декер. – Хотя провел с ним в те годы столько времени.

– Ты уже звонил Богарту насчет разрешения работать с этим делом?

– Мы... э-э... поговорили, – тихо ответил он. – Странно, что он до сих пор тебе не позвонил.

– Нет, не звонил. И что он сказал?

В этот момент им принесли еду.

– Я тебя посвящу позже, – уклонился Декер.

– Кстати, спасибо, что омлет заказал овощной, – улыбнулась Джеймисон. – И без бекона.

– Видимо, растут чувства к тебе.

– Хорошо, что сам ты больше не растешь. Вширь. Хорошо выглядишь, Декер.

– Слегка с натяжкой, но все равно спасибо. – Отложив вилку и нож, он взялся за кофе.

– О чем ты думаешь? – поинтересовалась Джеймисон.

– Думаю, что нынче утром по городу разгуливает убийца, думая, что ему или ей сошло с рук, и вот это меня реально

выкашивает.

– И это все?

Он с любопытством посмотрел на нее поверх чашки.

– А что, этого мало?

– Я в том плане, ты чувствуешь на себе вину из-за того, что случилось с Мерилом Хокинсом?

– Я в него курком не щелкал. И сюда не звал, снова разжигать это дело.

– У тебя нет мысли, что сам факт убийства Хокинса может быть аргументом в пользу его невиновности? Ты ведь, собственно, в таком ключе уже высказывался.

– То есть была ли с моей стороны допущена ошибка? – медленно поднял глаза Декер.

– Я бы так на это не смотрела. Расследование велось объективно, и все улики указывали на того кренделя. Я бы действовала в таком же русле.

– Как бы то ни было, если он *действительно* был невиновен, я должен все исправить.

Джеймисон воздела брови:

– Потому что груз мировых проблем всегда ложится на твои, по общему признанию, широкие плечи?

– Мир здесь ни при чем. Речь о весе одного дела, которое вел я. Ответственность приходит вместе с территорией. Мои действия лишили человека свободы.

– Я бы сказала, свободы лишил себя *он*, своими деяниями.

– Только если он действительно совершал те преступле-

ния, – возразил Декер. – Если же нет, то это совсем другие танцы.

Джеймисон покрутила пальцами свою кофейную чашку.

– Если его подставили, то тот, кто это сделал, ведал, что творит. Спрашивается, кто мог иметь на парня такой зуб?

– Хороший вопрос, – кивнул Декер. – Я понятия не имею. Хокинс был опытным инженером, но потерял работу, когда на его заводе начались сокращения. И он пошел по стезе случайных заработков. Делал все что мог, чтобы сводить концы с концами.

– В наши дни этим много кто занимается.

Он посмотрел на значок ФБР, прикрепленный к ее лацкану.

– Как тебе с ним?

Джеймисон перехватила его взгляд и улыбнулась:

– Я бы сказала, зашибись. Ты сам никогда не подумывал рвануть в этом направлении?

– Стар уже. Тех, кому за тридцать семь, не берут. И я не ветеран боевых действий, чтобы претендовать на исключение. Даже если б теоретически мое заявление приняли, сомневаюсь, что я бы прошел медосмотр.

– Не стоит себя недооценивать. А регламенты, я вижу, ты знаешь не понаслышке. Наверное, заглядывал?

Декер пожал плечами.

– Свою работу я могу делать и без федерального значка. Хоть и поизносился, но все равно такой же коп, как был. Мо-

гу арестовывать людей. – Он помолчал и добавил: – А у тебя всегда есть моя спина для прикрытия.

– Да, это так.

– Сегодня спозаранку я прошелся возле своего старого дома.

Судя по виду, это признание порядком ее удивило.

– Вот как? Зачем?

– Сам не знаю. Ноги будто сами собой повели; гляжу, а я уже там. Познакомился с парнем, который там живет, а заодно с его дочуркой. Мне о них рассказывала Ланкастер. Правда, я их слегка вспугнул своим появлением. Отец девочки уже слышал о случившемся... там. Разошлись тихо-мирно.

Джеймисон доверительно подалась вперед.

– Я знаю, Амос, тебе неприятно будет об этом слышать, но я все равно скажу. – Она сделала паузу, тщательно подбирая слова. – Рано или поздно тебе придется об этом забыть. Все эти приезды сюда, чтобы навестить могилы, и всякое такое. Тебе больно, это понятно. Но у тебя впереди вся жизнь. Твоя, собственная. А значит, ты должен двигаться вперед и перестать так заикливаться на прошлом. Кэсси и Молли были бы против, ты же знаешь.

– В самом деле? – резко спросил Декер.

Она откинулась на спинку стула, уязвленная этой фразой.

– Они не должны были умереть, Алекс. Если кто-то и должен был, то я.

– Но это не так. Ты жив, и тебе каждый день нужно про-

живать ради них и себя. Иначе все это будет пустой тратой.

Декер встал.

– Ладно. Пойду приму душ, переоденусь. А потом пойдем искать убийцу. Встречаемся здесь через полчаса.

– Декер, тебе нужно хоть немного поспать!

– А вот это как раз и есть пустая трата, разве нет?

Джеймисон смотрела ему вслед с глухим отчаянием.

Глава 7

Прежде чем намылиться, Декер целую минуту блаженно стоял, давая горячей воде стекать с головы. В следующее мгновение у него случился короткий приступ паники: он не мог вспомнить любимый цвет Кэсси. Затем память восстановилась, и надлежащий оттенок послушно высветился в мозгу.

Он припал головой к кафельной плитке душевой. *«Черт, снова сбои. Но ведь сбои именно потому, что я все-таки машина. Ведь так?»*

Неужели память будет продолжать давать осечки? Как раз тогда, когда ее точная работа нужнее всего? Или же настанет время, когда она просто отрубится? Тут же возникла страшноватая мысль: не развиваются ли это осложнения после черепно-мозговой травмы, полученной много лет назад? Какой-нибудь Альцгеймер с Паркинсоном?

Декер закончил принимать душ, обтерся, надел свежую одежду. Сил не прибавилось, состояние по-прежнему было разломленное, но, по крайней мере, он был чист.

Напарница ждала его в вестибюле. Они сели в машину, и Джеймисон с водительского сиденья спросила:

– Куда едем?

– К Сьюзан Ричардс, нашей пока единственной реальной подозреваемой.

По дороге он позвонил Ланкастер и сообщил о своих ближайших планах. Трубку Мэри не взяла (наверное, еще спит), и сообщение пришлось оставить на голосовую почту.

Дом Ричардс на Примроуз-авеню представлял собой небольшое кирпичное бунгало со старомодными оконными навесами в зеленую и белую полоску. Выступающий кусок двора был любовно обихожен, со зрелыми деревьями, пышными подстриженными кустами и клумбами. На крытом переднем крыльце в горшках пестрело обилие ярких осенних цветов.

– Ландшафтный дизайн какой хороший, – отметила Джеймисон.

– Она флорист со стажем, – пояснил Декер. – Знает в садоводстве толк. Управляет цветочным магазином, который сама недавно продала новым владельцам.

– Ты действительно думаешь, что убийство Хокинса – ее рук дело?

– Исключать нельзя ничего. Но она или нет, я не знаю. Мы это и должны выяснить.

Они вышли, но к входной двери Декер не пошел. Вместо этого он направился к дому напротив.

– Проверка алиби? – спросила Джеймисон, когда нагнала своего спутника. Тот кивнул и постучал в дверь бунгало – почти точную копию дома Ричардс, только с застекленной верандой.

Дверь открыла мелкая бабулька с такими жидкими седи-

нами, что сквозь них просвечивал красноватый череп.

– Слушаю вас? – по-хозяйски сказала она, глядя из-за толстых стекол очков.

Джеймисон протянула ей свое удостоверение ФБР, которое женщина внимательно, с прищуром, изучила.

– ФБР? – подивилась она. – Я сделала что-то не то?

– Вовсе нет, – поспешила успокоить Джеймисон. – Мы хотели навести кое-какие справки о вашей соседке, миссис... извините?

– Агата Бэйтс. – Бабулька снизу вверх поглядела на Декера, застывшего собой солнце, словно утес. – Вы тоже из ФБР? Что-то вы мне значок не показали. – Она взыскательно пробежала по нему взглядом. – Для ФБР уж больно крупный. Я телевизор исправно смотрю. Такого громоздкого фэбээровца, как вы, там нет.

– Он у нас консультантом, – поспешила объяснить Джеймисон.

Бэйтс степенно перевела взгляд с Декера на нее.

– Так про какую соседку вы спрашивали?

– Про Сьюзан Ричардс.

– А, Сью. Приличная женщина. Живет здесь уже какое-то время. Конечно, не столько, сколько я. Я-то здесь уже пятьдесят семь лет. – Она покосилась на Декера: – Я не могла вас где-то видеть?

– Я здесь в полиции лет уже двадцать.

– Вот как? Нет, с полицией я дел предпочитаю не иметь.

Налоги плачу исправно, ни разу никого не ограбила.

– Не сомневаюсь, – согласилась Джеймисон. – Было бы интересно узнать, когда вы видели мисс Ричардс последний раз.

– Когда? Сегодня, еще затемно, когда за ней приехала полиция. Полиция обычно у нас здесь не ездит.

– Это было довольно рано, – отметила Джеймисон.

– Так я и встаю ни свет ни заря. Сплю часа по четыре, не больше. Со старостью сон нейдет. Ну да ничего, уж скоро забудусь вечным сном.

– Прошу прощения? – не поняла Джеймисон.

– Когда умру, милочка. Мне девяносто три годка, и как долго, по-вашему, я еще здесь протяну? – Она помолчала, поправляя очки. – Так зачем она вообще понадобилась полиции?

– Чтобы ответить на кое-какие вопросы. А, скажем, вчера вечером вы ее не видели?

– Видела, как она приехала домой. В четверть девятого или около того.

– Откуда у вас такая уверенность? – задал вопрос Декер. – И общались ли вы с ней этим утром?

– Общаться не общалась. Если она сейчас дома, то наружу не выходила; по крайней мере, я не видела. Обычно по утрам она прогуливается. А я пью кофе на веранде. Я ей машу рукой, она мне в ответ. Думаю, что этот приезд полиции изрядно все подпортил.

– Значит, вы не видели, как она сегодня утром возвращалась из полицейского участка? – спросил Декер.

– Нет. Наверное, я готовила на кухне завтрак или возилась на заднем дворе. Мне нравится упражняться с клюшечкой. Старики моего возраста бьют клюшкой медленно, осторожно. Перелом шейки бедра нам не нужен.

– Значит, вчера вечером? – вернула ее к теме Джеймисон.

– В четверть девятого, – повторила бабуля, недоверчиво глядя на Декера. – Она волонтер в приюте для бездомных. И всегда приезжает примерно в это время. Почему я так говорю? Да потому, что уже пятнадцать минут как закончилась телевикторина. Я досмотрела до самого финала. Последний ответ был «Гарри Трумэн». Трумэна я помню. Черт возьми, я же голосовала за него! А все три конкурсанта ошиблись. Молодежь! Всем не больше тридцати. Что они могут знать о Гарри Трумэне? Мне б того выигрыша хватило на поездку куда-нибудь.

– Значит, вы видели, как она возвращалась вечером домой? А снова она не отлучалась? Вы бы увидели, если б она это сделала?

– Если и уезжала, то не на своей машине, – прикинула Агата Бэйтс. – Когда она ее заводит, это как взрыв бомбы. У нее старая «Хонда». Глушитель, зараза, тарахтит как пулемет. Я уж говорила ей, чтоб она его починила. Каждый раз, как начинает грохотать, я чуть струйку не пускаю. Слух у меня до сих пор отменный. Слышу почти все, и уж особенно

ту адскую машину.

– Но она могла исчезнуть и по-другому. Что, если пешком или на такси?

– Так я ж сижу на веранде, за кроссвордом или книжкой, примерно до половины одиннадцатого. Если б она уходила, я бы заметила. А после этого я пошла в дом. К одиннадцати я обычно уже укладываюсь.

– Ну хорошо. Для ясности: по крайней мере до половины одиннадцатого дом она не покидала, – подытожил Декер. – И вы не слышали, чтобы она заводила машину, по крайней мере до тех пор, пока не легли спать, – то есть в пределах одиннадцати?

– Кажется, я так и сказала. Не слишком ли вы туго сообщаете?

– Хорошо, хорошо, – поторопилась сказать Джеймисон. – Миссис Бэйтс, разговор с вами был очень полезен.

– Что ж, рада быть полезной для общества. – Бабулька устала в Декера палец и вполголоса ей сказала: – Мне кажется, ФБР надо быть тщательней в выборе консультантов. А вы, милочка, молодец. Приятно видеть девчушку в форме.

– Спасибо, – деликатно кивнула Джеймисон, пряча улыбку.

От дома Бэйтс они вернулись на улицу.

– Если бы Ричардс пошла пешком, то до «Резиденс Инн» она бы по времени подошла как раз к тому моменту, как было совершено убийство. А уж если б на такси, так еще и с

запасом.

– Если на такси, мы можем найти об этом запись. У них, интересно, здесь «Убер» есть?

– Вряд ли.

Они позвонили еще в два дома, но там никто не ответил.

– Вся наша логика строится на том, что Сюзан Ричардс мы по-прежнему считаем подозреваемой, – заметил Декер.

– А сам ты действительно считаешь, что она могла это сделать?

– Мотив у нее самый прямой, хотя на этом пути множество препятствий. Начать с того, откуда ей было знать, что он снова в городе.

– У тебя нет мысли, что Хокинс сам пошел бы к ней?

– Откуда он мог хотя бы знать, где она живет? Ланкастер ему ничего не сказала, это я знаю точно. А если в тех убийствах он невиновен, то незачем было и ходить извиняться.

– Вообще наугадить чей-то адрес можно без проблем, – рассудила Джеймисон. – Хотя он только что вышел из тюрьмы и был смертельно болен. Честно сказать, не могу представить его в обнимку с компом и интернетом. А уж тем более чтобы активно ими пользовался.

– Но он мог пытаться что-нибудь у нее разузнать, особенно если думал, что за содеянным стоит она.

Декер покачал головой.

– Нет. Хокинс по суду знал, что у нее твердое алиби. – Он сделал паузу и задумчиво добавил: – Теоретически она

могла кого-нибудь нанять вместо себя, но никаких доказательств этому нет. И тут мы неизбежно возвращаемся к проблеме мотива. При муже она могла оставаться дома и спокойно растить детей. Вторично замуж она так и не вышла, не было на подхвате и бойфренда. На убийстве членов своей семьи она не разжилась. Так что не вижу смысла. И убивать своих собственных детей она явно не собиралась.

– Соглашусь, – кивнула Джеймисон. – Есть, пожалуй, один человек, разговор с которым может что-нибудь приоткрыть.

– И кто он?

– Кен Фингер.

– Кен Фингер? Каким он здесь боком?

– Он был общественным защитником Хокинса.

– Он еще на плаву?

– Вот и узнаем.

Глава 8

Кен Фингер действительно был на плаву.

Декер наконец дозвонился до Ланкастер, и они договорились встретиться в офисе Фингера, что в квартале от центрального здания суда.

Секретарша Кристин Берлин, женщина за сорок, встретила троицу визитеров суровым взором.

– Мистер Фингер сейчас крайне занят, – объявила она при виде неожиданных гостей.

Ланкастер протянула удостоверение:

– Я думаю, Кен сориентируется, кого к себе пускать.

Берлин разглядывала пластиковый бейдж нарочито долго и придиричливо.

– Да ладно вам, Кристин, – с ноткой раздражения сказала Ланкастер. – Вы как будто не знаете, кто я. У вас дети ходят в одну школу с моей Сэнди. А Декера вы тоже знаете, по работе с Кеном.

– На работе, детектив Ланкастер, я стремлюсь поддерживать сугубо деловую атмосферу.

– Всецело с этим согласен, – одобрил Декер. – Так где Кен?

Берлин кольнула его взглядом.

– Я слышала, вы на несколько дней вернулись в город, – сказала она. – Вы все еще работаете в ФБР?

Декер кивнул, и она переключалась взглядом на Джеймисон.

– Вас я тоже помню. Вы, кажется, консультант Бюро?

– Уже нет. Спецагент, – поправила Джеймисон.

– Какая странная метаморфоза: из журналистки в агенты ФБР.

– Не такая уж и странная, – парировала Джеймисон.

– Это почему?

– Агент ФБР стремится открыть правду и добиться, чтоб виновные получили по заслугам. Журналист копает, чтобы ее отрыть и привлечь внимание общественности. И в результате, хоть и не всегда, это приводит к наказанию виновных.

– Хм! – Берлин скептически усмехнулась. – В этом что-то есть.

– Где, собственно, Кен? – нетерпеливо спросил Декер. – Мы здесь теряем драгоценные минуты.

Берлин насупилась:

– Лично в вас, я вижу, перемен не произошло *никаких*.

Она подняла трубку коммутатора и сделала звонок.

Через несколько минут в ее сопровождении они прошли в кабинет Фингера – просторный, с большими окнами. Письменный стол из темного дерева, столешница с кожаным покрытием, занятая бумагами, горами справочников и скоросшивателями с ходатайствами. На большой книжной полке громоздились фолианты по юриспруденции и пронумерованные красные папки. Вокруг стола располагались стулья.

У одной из стен журнальный столик с двумя большими стеклянными банками «M amp; M's». Кен Фингер восседал у себя за столом.

Когда он защищал Хокинса в деле по убийству, за которое тому грозила смертная казнь, ему было не больше тридцати. Очевидно, другого энтузиаста, готового отстаивать обвиняемого в изуверском убийстве четверых (из них двое дети), в суде не нашлось.

Сейчас Фингеру было за сорок, и он специализировался на защите тех, кто в этом нуждался. А в Берлингтоне – типичном городке средней руки – в его услугах нуждались весьма многие. Аккуратные каштановые волосы Фингера, как и ухоженную бородку, уже серебрила проседь. Брюки со стрелками держались на ярко-красных подтяжках, подчеркивающих белый фон французской сорочки. На жилистой шее висела ослабленная «бабочка» в полоску. Между подтяжками тыквой торчало брюшко.

Кен Фингер встал и поприветствовал гостей, жестом приглашая в зону отдыха вокруг журнального столика.

– Кажется, я знаю, зачем вы здесь, – сказал он, когда Берлин, выходя, прикрыла за собой дверь.

– Очень может быть, – кивнула Ланкастер.

– Как твои дела, чертяка Декер? – бойко спросил Фингер.

– Да ничего, – ответил тот, усаживаясь. – Значит, ты уже в курсе?

– Ну а как иначе? Берлингтон не настолько велик. И хотя

это не сравнится с нападением на школу, когда здесь еще жил ты, новость довольно заметная: осужденный убийца возвращается в город и находит здесь свой конец.

– Он приходил к тебе повидаться? – поинтересовалась Ланкастер.

Фингер покачал головой:

– Ни шкурки, ни волоска его я не видел с той самой поры, как он загремел в тюрьму.

– Вы ни разу его там не навещали? – спросила Джеймисон.

– Слегка. Некоторым образом беру свои слова обратно. Я действительно навещал его там: мы подали апелляцию, но ее блокировали наотрез. Оснований для нее у нас не было действительно никаких. Судья и так в чем мог шел нам навстречу. Присяжные вообще могли вернуть смертный приговор, но не сделали этого, и я тогда сказал Мерилу, что избежать смертной казни было лучшим из того, чего можно было ожидать. Так что зачем гнать волну?

– Ты был убежден в его виновности? – спросила Ланкастер.

Фингер пожал плечами:

– Так или иначе, для меня это не имело особого значения. Моя работа – защищать. А у штата – доказывать вину. Я как мошь, кроюсь в складках разумного сомнения. Как и все адвокаты защиты.

– Но был ли ты *убежден* в его виновности? – упорствовал Декер.

Фингер откинулся и сделал пальцы домиком.

– Тебе, думаю, известно, что адвокатская тайна остается и после смерти клиента.

– Я не прошу раскрывать какую-либо служебную информацию, – заметил Декер, – а лишь спрашиваю твое мнение по этому поводу. Это не является нарушением и никоим образом не может навредить твоему клиенту. Он уже был осужден, а теперь и вовсе мертв.

Фингер ослабил:

– Из тебя вышел бы хороший адвокат, Декер. Ладно, скажу. Да, я считал, что это сделал он. Думаю, он полез туда лишь затем, чтобы кое-чем поразжиться, а столкнулся с такой бездной неприятностей, что не описать словами. Не скажу, что этот парень был матерым преступником. Черт возьми, да у него не было даже штрафов за парковку! Думаю, это была одна из причин, почему ему не присудили смертную казнь. Видимо, он потерял контроль и начал стрелять и душить направо и налево; не успел опомниться, а на полу валялось уже четыре мертвых тела. И он просто убрался оттуда от греха подальше. Но было уже поздно.

– И никто не видел, как он подъехал, вошел в дом, а потом уехал? – допытывался Декер. – Не слышал выстрелов?

Фингер пожал плечами:

– Да кто его знает. Люди говорят, что ничего не слышали. В одном доме играла громкая музыка. В другом сказали, что смотрели телевизор или спали. В третьем жильцы той

ночью отсутствовали, а четвертый дом стоял заброшенным. Те дома стояли не так уж близко. К тому же шумела непогода. – Он блеснул на Декера глазами: – Черт возьми, Амос! Ведь это же вы с Мэри возбудили против него дело! Отпечатки, ДНК, мотивы, вероятность. А орудие убийства оказалось спрятанным в его доме. То есть, как адвокату защиты, мне фактически нечем было оперировать. Это просто чудо, что он получил пожизненное без права на УДО.

– А украденные вещи? Кто их видел? – спросила Ланкастер.

– У Хокинса этому не было объяснения, потому что он настаивал на своей непричастности. Хотя если хотите знать мое мнение, то я думаю, что он их просто повыбрасывал, когда понял, что не сможет их сбыть из-за привязки к убийству четверых.

Декер отрицательно покачал головой:

– При задержании у него в бумажнике нашли пятьсот долларов.

– Обвинение предположило, что это навар с продажи краденого. Хотя, судя по перечню пропавших вещей, он мог выручить за них и больше.

– Ты выдвинул версию, что Хокинс думал потратить эти деньги на анальгетики для своей жены, приобретя их на улице. Это он тебя надоумил или ты придумал сам?

– Да будет тебе известно, Декер, я с бухты-барахты ничего не «придумываю», – твердо и иронично сказал Фингер. – Все

это озвучил мне он.

– Тогда откуда у него взялись деньги? – спросила Ланкастер.

– Он не говорил.

– Интересно почему, – задумался Декер. – Он ведь мог предъявить убедительные доводы, которые бы скостили изрядную долю обвинений в суде.

– Я пытался разговорить его, но он ни в какую.

– Незадолго до этого его уволили с работы, – припомнила Ланкастер. – И с деньгами у них было туго.

– Я лишь передаю то, что он мне рассказал, то есть ровным счетом ничего. И я не давал ему самому выступать на процессе, чтобы обвинение не истолковало тему денег в свою пользу. Я пытался проделать в обвинении дырки и акцентировал, что Хокинсом двигало желание купить своей смертельно больной жене препараты. Я ставил цель получить в зале суда некоторое сочувствие, но пронять присяжных не получалось. Они скрепили ниточками те полтысячи и похищенное барахло. Обойти это никак не удавалось. И по логике, те пятьсот баксов пришли действительно оттуда. Кто знает, сколько денег мог дать скупщик за горячий товар, добытый по «мокрому»? Но не появлялось зацепки вплести тему скупки в канву дела. Так что не было у меня никакой возможности докопаться до корней, если б только Мерил сам не раскрылся. А он этого не сделал.

– Давайте конкретней, – поморщилась Ланкастер. – Зачем

ему в ранний час приходиться в дом, полный народа?

– Перед домом не было ни одной машины, – вмешался Декер. – Дэвид Кац припарковался на заднем дворе. Так что Хокинс, подходя к дому спереди, не мог этого видеть. На тот момент у Ричардсов машина была только одна, и на ней уехала жена. Другую машину они отдали в ремонт.

– Но когда к дому прибыли первые полицейские, там горел свет, – заметила Ланкастер. – Каким олухом надо быть, чтобы напасть на освещенный дом?

Фингер сокрушенно развел руками.

– Что можно сказать? Что случилось, то случилось. Как я уже говорил, опыта преступлений у парня не было. И алиби тоже. Вы сами это прекрасно знаете.

– Хокинс мог подумать, что свет хозяева оставили по забывчивости, – вставил Декер. – Машины перед домом не было, значит, уехали. Дома никого нет.

– Если же это был не он, а кто-то другой, – продолжил Фингер, – то этот «кто-то» приложил немало усилий, чтобы его подставить. Спрашивается, зачем? Он ведь был, собственно, никтошка. Всю жизнь проработал «синим воротничком». Я не говорю, что это плохо. Черт возьми, наоборот, я восхищаюсь им за это. Мой старик был механиком и умел мастерить такое, что мне и не снилось. Я просто говорю: Мерил был обычным работягой с обычной жизнью. Зачем все эти козни?

– Тем не менее кто-то озаботился его убить, – сказал Де-

кер. – И жизнь у него была не такой уж обычной. Жена умерла, дочь сидела на наркотиках.

– Это правда. Вы, кстати, не разговаривали со Сьюзан? Она по-прежнему здесь, в городе.

– Ну и ну, как же это нам не пришло в голову? – съязвила Ланкастер.

– Значит, по-вашему, привлекать ее бессмысленно? – спросил Фингер.

– Активное полицейское расследование, Кен, – не твоего ума дело.

– Да ладно тебе, Мэри, – улыбнулся Фингер. – Я думал, мы друзья.

– К тому же мы профессиональные антагонисты. Я даю показания в суде, чтобы карать твоих проштрафившихся клиентов, а ты как можешь изворачиваешься, чтобы дискредитировать мои правдивые показания.

– Опа. Это называется перекрестный допрос. У нас в колчане не так уж много стрел, но это одна из главных. Государство располагает всеми ресурсами. А я всего лишь одиночка. Стойкий оловянный солдатик.

– Блажи, блажи, храбрый портняжка. У нас в участке хороший день, когда интернет не косячит. Моему компьютеру скоро пятнадцать лет. Прибавки к зарплате не получаю уже восемь.

Он лукаво подмигнул.

– Ты всегда можешь перейти на нашу сторону. Стать сви-

детелем-экспертом. Оплата – грех жаловаться.

– Спасибо, обойдусь, – ответила Ланкастер в том же духе. – У меня и так проблемы со сном.

– А вот я сплю как младенец, – мечтательно улыбнулся Фингер.

Декер посмотрел на книжную полку, где стояли папки.

– Нам нужно посмотреть твои записи по этому делу.

– Позволь спросить зачем.

– Там может быть ключ к разгадке, кто убил Хокинса.

– Правила конфиденциальности, Декер. Извини.

Декер смерил его пристальным взглядом.

– Хокинс обратился ко мне с просьбой доказать его невиновность. С тем же самым он приходил и к Мэри.

Фингер резко глянул на Ланкастер, и та кивнула.

– Он в город вернулся единственно по этой причине. Сказать мне и Декеру, что мы совершили ошибку и он хочет, чтобы мы ее исправили. Мы отправились к нему в «Резиденс Инн», чтобы встретиться и вместе все обсудить. Там-то и нашли его мертвым.

– Так что своими словами и действиями Хокинс от своего молчания отказался. Ну а как мы еще можем доказать его невиновность, если не пороемся в твоих папках?

– Что ж, – Фингер прерывисто вздохнул, – спору нет, доводы вы приводите убедительные. Ущерба чьим-то интересам тоже нет. Только времени вон сколько прошло. Думаете, там еще есть что-нибудь актуальное?

– Большинство знакомых мне юристов никогда ничего не выбрасывают, – убежденно сказал Декер.

– Так ты сейчас, спустя столько лет, думаешь, что он невиновен?

– Были такие, кто думал, что это я убил свою семью, – сказал Декер.

– Я не из их числа, – вскинулся Фингер.

Декер встал.

– Так что давай мы эти папки прихватим.

– Как, *сейчас*? Они, наверное, в хранилище.

– Именно сейчас.

– Мне через двадцать минут надо быть в суде!

– Ну так приставь к нам своего секретаря. Но сейчас.

– Зачем такая спешка?

– После стольких лет я не собираюсь дожидаться правды ни секундой дольше, чем необходимо, – сказал Декер.

Глава 9

– Вот здесь.

Они находились в камере хранения с климат-контролем. Сверившись со своим айпадом, Кристин Берлин указала на полку в дальнем конце помещения.

– Как у вас тут все организовано, – не удержалась от похвалы Ланкастер.

– Ну а как. Мистер Фингер в этом плане похвастаться не может, так что мне приходится его компенсировать. И могу вас заверить, что так оно и есть.

– У нее четверо детей, – прошептала Ланкастер Джеймисон. – Самый старший в восьмом классе, но я думаю, дома она все еще одевает их в костюмы зверушек.

К делу Хокинса, по словам секретарши, имели отношение всего две коробки. Ланкастер она заставила подписать электронную квитанцию и только после этого позволила забрать контейнеры. Они поплелись к своим машинам (Декер навьючился обеими коробками).

– Отвези их в участок, – распорядилась Ланкастер. – Капитан Миллер приготовил для тебя комнату.

– Как он там? – поинтересовался попутно Декер.

– Готовится к отставке. Может, и нам пора задуматься? Я туда подъеду позже.

– Погоди, ты куда? – удивился Декер.

– У меня и другие дела есть, – сказала она сварливым тоном. – А это в мои обязанности официально не входит, и даже департамент его задвинул в долгий ящик.

– А убийство самого Хокинса – нет?

– Мы же не знаем, связано ли оно с тем, что содержится в этих папках. Так что вникай, а мне, если что, дашь знать. Я пока займусь кое-чем из нового, вроде убийства Хокинса.

На этом она уехала. Видя, что Декер не сел вместе с ней, Джеймисон остановилась, держа руку на дверце взятой в каршеринге «Камри».

– Что стряслось?

– Я вот тоже хочу знать: что это с Мэри?

– В каком смысле?

– Я знаю ее очень давно. Она мне что-то недоговаривает.

– Имеет право. Ничего, образумится. Очень любезно с твоей стороны беспокоиться о старой коллеге, – добавила она.

Они подъехали к полицейскому участку, где их направили в отведенную им комнату. Когда они шли по коридору, из кабинета вышел коп лет шестидесяти с небольшим.

Капитан Маккензи Миллер был все таким же приземистым, одутловатым, с нездоровым оттенком кожи. Но улыбка на лице была широкой и заразительной.

– Гляди-ка, кого они пускают в дверь, – пробурчал он, протягивая Декеру руку для пожатия. Его напарнице он кивнул и тоже пожал ладонь, попутно кивнув на ее значок

на лацкане: – Наслышан. Поздравляю, Алекс. Знаю, далось небось нелегко.

– Спасибо, Мак.

Декер посмотрел на человека, который был его начальником все то время, что он служил в полиции. Копом Миллер был хорошим – жестким, прямодушным и без гнильцы. Фактически именно он когда-то помешал Декеру всадить себе пулю в лоб. После такого относиться к этому человеку без симпатии было бы грешно.

– Ну что ж, репутация у тебя в Бюро что надо. Росс Богарт держит меня в курсе событий.

– Я и не знал, – смутился Декер, прижимая коробки к своей широкой груди.

– Приятно сознавать, что есть вещи, которых ты не знаешь, – сказал Миллер. – Он окинул взглядом коробки. – Это у вас что, адвокатские папки? По Хокинсу?

– Да, – ответила Джеймисон.

– Ладно, не буду отвлекать. Рад видеть вас обоих. Можно чуть позже по пивку, если есть время.

– Найдем. Можно задать вопрос? – спросил Декер.

– Если скажу «нет», это тебя остановит?

– Что это с Мэри?

Миллер сложил на пухлой груди короткие руки.

– Почему ты думаешь, что с ней что-то происходит, Амос?

– Мы с ней хорошо знакомы. Что-то не так.

– Вы *были* знакомы. Между тем прошло уже несколько

лет. Люди меняются.

– Меняются, но не так разительно, – заметил Декер.

– Тогда спроси у нее сам. – Миллер шутливо погрозил пальцем. – Просто будь готов к непредсказуемым ответам. Готов или нет?

Декер не ответил, но Миллер, похоже, ответа и не ждал.

– Респект вам за то, что допустили нас работать с этим делом.

– Я сам хочу докопаться до сути не меньше, чем вы. Если мы напортачили, то должны все исправить. Так что полностью вас поддерживаю.

– Спасибо, Мак, – поблагодарила Джеймисон. – Тогда не будем отвлекаться.

Он исчез у себя в кабинете. Они вошли в комнату, и Декер поставил две одинаковые коробки на металлический стол для совещаний. Снятое пальто накинул на спинку стула. Сняв крышку с одной из коробок, он сказал Джеймисон:

– Я займусь этой. А ты шерсти другую. – Он пододвинул ее к ней.

– А что именно мы ищем? – осведомилась она, открывая коробку.

– Надеюсь, ты поймешь, как увидишь.

Алекс Джеймисон со вздохом села и взяла первые несколько папок.

Через четыре часа они осмотрели уже оба ящика.

– Что-то негусто, – подвела итог Джеймисон.

– Это материалы защиты. Я попросил Мэри, чтобы кто-нибудь проверил бумаги департамента.

– Они эти папки так долго хранят?

– Наверное, только потому, что никто не удосужился их выбросить.

– У Кена Фингера, похоже, доказательная база была так себе.

– Вот почему присяжные признали его клиента виновным уже после двух часов обсуждения. Из которого час ушел на обед.

– На перекрестном допросе он был с тобой довольно жесток, – сказала Джеймисон, держа в руках стенограмму допроса Декера в качестве свидетеля.

– Это его работа.

– Но в своих показаниях ты был достаточно тверд.

– Потому что я верил в их правдивость.

– А теперь, получается, нет?

Декер посмотрел на нее поверх листа, который держал в руке.

– Скажем так: тогда я мог не различать лес из-за деревьев.

– То есть?

– То есть я, возможно, так стремился добиться обвинительного вердикта по своему первому расследованию, что мне не показалось странным, что какой-то парень ограбил дом так рано вечером, да еще когда в нем могло быть полно народу.

– Может, ему элементарно не хватало ума. Как уже отмечалось, он не был опытным преступником. Мог даже не знать, как правильно целиться.

– Хокинс вовсе не был тупицей. К тому же раньше у него никогда не было никаких проблем с законом. Тогда для меня это мало что значило, потому что злодеяние было вопиющим. Но перейти от невинного штрафа за парковку сразу к четырем убийствам – это все равно что после шажка через лужицу совершить прыжок через Большой каньон. В голове должен был прозвучать предупредительный звоночек.

– Но как все говорят: он, вероятно, пошел туда без мысли кого-то убивать. А оно возьми и пойди наперекосяк.

– Конечно, он пребывал в отчаянии. Жена у него нуждалась в обезболивающем. Дочь была наркоманкой, и ей тоже необходима была помощь. Он, вероятно, чувствовал, что бьется о стену. Отправился туда только затем, чтобы чем-нибудь разжиться, но, как ты сказала, по ходу все покатилося к чертям.

– А в кармане у него была наличка.

– Если была, то чего он расхаживал, когда его задержали копы?

– Может, он пытался раздобыть наркотические препараты для своей жены.

– Может быть, – сказал Декер. – Но примечательно, что рядом с домом Ричардсов был дом, который в ту ночь пустовал. Я не про тот, который заброшен. Я имею в виду Баллмеров. Они уехали из города навестить родственников. Почему бы вместо этого не пойти туда, спокойно влезть и выкрасть вещи, не убив четверых человек? И почему из всех возможных он выбрал именно этот район? Ведь он несуразно далеко от того места, где он жил.

– Он тоже был изолированный.

– Сомневаюсь, что эта причина весомая.

– Парень, который там жил, работал в банке. Может, по мнению Хокинса, это означало, что здесь можно разжиться чем-нибудь ценным.

– Позволь заметить: это была отнюдь не самая зажиточная часть города. Грабитель промышлять на свалку не пойдет. А пойдет туда, где есть деньги.

– У богатых есть и сигнализация, и дополнительные замки с воротами, а иногда и частные охранники. Район вроде того, где жили Ричардсы, мог показаться более доступным.

Декер покачал головой.

– В этом нет логики, Алекс. Что-то здесь не то.

– Итак, несмотря на свой прежний скептицизм, теперь ты полагаешь, что Хокинс невиновен?

– Я просто пытаюсь докопаться до истины. В том числе ду-

маю проверить полицейские досье. — Декер встал. — Будешь кофе? Из автомата. Хреновенький, но зато горячий.

— Не откажусь.

Декер вышел и направился дальше по коридору. С ним кисло поздоровались двое полицейских и один детектив, с которыми он в свое время работал, поздоровались, когда он проходил мимо. Похоже, его присутствие здесь особой радости не вызывало, и можно понять почему. Слух об этом уже пополз. Если окажется, что Хокинс был осужден несправедливо, это будет пощечиной всему департаменту.

«Для меня это удар под дых. Мое первое настоящее дело об убийстве. Неужели я так перестарался? Настолько, что из рвения мог засудить Мерила Хокинса, который вообще не при делах?»

Он был так поглощен своими мыслями, что чуть не столкнулся с ней.

Салли Бриммер почти не изменилась. Слегка за тридцать, симпатичная, деловитая. Как и раньше, исподволь было заметно, что брючки на ней немножко в обlipку, а блузка растегнута на пару лишних пуговиц, демонстрируя вырез достаточно глубокий для того, чтобы навеивать подсознательные мысли. В полицейском управлении она занималась связями с общественностью. Однажды Декер ее, прямо скажем, подвел: прикинулся адвокатом, прибывшим для интервью о содержании заключенных, а сам с ее ведома проник в камеру и учинил там допрос с пристрастием. Это выставило Салли в

неблаговидном свете, в том числе и перед начальником, капитаном Миллером. Декер взял на себя всю ответственность за содеянное и постарался сгладить все так, чтобы Салли не пострадала. Однако судя по ее лицу, нервно дрогнувшему при виде него, на смягчение рассчитывать не приходилось.

– О, мисс Бриммер! – радушно удивился Декер.

Ее руки уперлись в стройные бедра, а на губах застыла натянутая улыбка. *«Я слышала, что ты вернулся. Надеюсь, что это лишь слух, который не подтвердится».*

– Здравствуйте. Тоже приятно. Какими судьбами?

– Да вот, работаю над делом. Понадобились кое-какие документы департамента. Должны принести.

– Вы ведь здесь больше не работаете?

– Мы здесь с Мэри Ланкастер. С одобрения капитана Миллера.

– Опять разыгрываете? Не выйдет, – сказала она резко.

– Нет, правда.

– Да уж, правда. Единожды солгав...

– Агент Декер, вам это в малый конференц-зал?

Одновременно повернувшись, они увидели молодого стажера в форме, который катил перед собой тележку с четырьмя большими архивными ящиками.

– Да, будьте добры. Там моя напарница, она примет. А я тут за кофе выскочил.

Бриммер недоверчиво проследила, как стажер по коридо-

ру направляется в конференц-зал.

– Значит, вы меня не обманули? А какое дело?

– Мерила Хокинса.

– Не припоминаю.

– Это было еще задолго до вас.

– Ну-ка, минутку... Это не тот старик, которого недавно убили?

– Да, он.

– Ну так это, наоборот, дело совсем еще молодое.

– В самом деле. Только причина, по которой он был убит, вероятно, восходит к четырем убийствам, имевшим место лет тринадцать назад.

– Откуда вам это известно?

– Потому что именно я это дело и расследовал.

– Четыре убийства? Кто же убийца?

– Вот в этом и вся загадка.

Он продолжил поиск кофемашины и нашел ее в рекреации. Теперь это был новенький «Кьюриг» (воистину прогресс шагает по планете). Декер наполнил два стаканчика и думал уже отчалить, как вдруг его внимание привлек плоский экран телика, прикрученный к стене рекреации.

Там шла местная сводка погоды: предупреждали о шквалистых ливнях, грозящих обрушиться ближе к вечеру.

В эту секунду у Декера в голове что-то словно щелкнуло.

«Дождь».

Глава 10

– Декер, что мы здесь делаем? – повышенным тоном спрашивала Джеймисон. – Ты так и не сказал. Как обычно, – добавила она вполголоса.

Декер будто не слышал. Расширенными глазами он впиался в различные места гостиной дома Ричардсов, особенно в пол. Мысленно он возвращался в ту ночь, накладывая то, что там было, поверх того, что представляло непосредственно сейчас.

Совмещалось почти полностью.

– Дождь.

– Чего? – нервно переспросила Джеймисон.

– В ночь убийства Ричардсов шел дождь. Хлестал как из ведра. Начался примерно в шесть пятнадцать и все еще шел, когда мы с Ланкастер прибыли на место. Настоящий ураган. С громом, молниями.

– Да, его адвокат об этом упоминал. И что?

Декер указал на пол:

– В доме не было никаких мокрых следов, кроме тех, что оставили первые приехавшие. Никаких следов грязи или гравия. А мы с Мэри и техниками надели бахилы.

– Тогда как убийца, который пришел явно после дождя, не оставил никаких мокрых отпечатков на полу или ковре? – Она примолкла. – Погоди-ка. Ты только сейчас об этом по-

думал?

Глаза Декера продолжали блуждать по комнате.

– Декер, я тебя спрашиваю...

– Я *слышу*, о чем ты спрашиваешь, Алекс, – сказал он металлическим голосом.

От резкого тона она напряглась.

Не встречаясь с ней взглядом, Декер сказал:

– На выключателе в гостиной я нашел отпечаток и следы крови. Это место, куда кто-то приложил руку, как если бы собирался щелкнуть выключателем. Мы попросили техника отпечаток снять. Потом, когда прогоняли по базам данных, выскочило имя Хокинса.

– А как он оказался в системе? В досье Фингера об этом ничего не говорится. Ты говорил, что у него раньше никогда не было проблем с законом.

– Раньше он работал в фирме, связанной с оборонным ведомством. У него была группа доступа и сданные отпечатки в картотеке.

– Значит, с того момента?

– Хокинс был у нас главным – да, по сути, единственным – подозреваемым.

– И сколько времени все это заняло?

– Около часа ночи профиль личности по отпечатку был уже готов. С адресом на руках мы немедленно отправились на поиски. Когда приехали, Хокинса дома не оказалось. А жена с дочкой были. И понятия не имели, где он находится.

– Где ж его нашли?

– Его объявили в розыск, а спустя пару часов Хокинса засекла патрульная машина: он шел по улице в восточной части города. Его задержали и доставили в участок по подозрению в убийстве. Там мы с ним и познакомились, я и Ланкастер.

– Шел, пешком? У него что, не было машины?

– Старая колымага. Припаркованная на улице перед его домом, когда мы приехали туда его искать. Позже выяснилось, что это их единственный автомобиль. Из-за холода и дождя, когда мы прибыли, уже нельзя было сказать, использовался он недавно или нет. Хотя к тому времени, как мы добрались, после убийств прошло уже несколько часов. Двигатель все равно успел бы остыть. Позже мы связались с соседями. Они сказали, что машина простояла там весь день и всю ночь. Тем не менее мы проверили и корпус, и шины на наличие каких-либо следов от дома Ричардсов. Бесполезно: даже если он возвращался на нем после убийства, ливень все смыл. Ордера у нас не было, так что с обыском в их доме пришлось повременить.

– А что рассказал сам Хокинс?

Декер мысленно воссоздал картину: они с Ланкастер входят в ту же комнату для допросов, где недавно опрашивали Сьюзан Ричардс. Те же желто-горчичные стены. Примерно такой же человек сидит на стуле напротив. Обвиняемый. Затравленное животное, ищущее выход.

– Свои права он знал. Затребовал адвоката. Мы сказали, что один уже в пути, но, может, он захочет ответить на несколько вопросов? Это поможет снять статус подозреваемого. Если он этого не сделает, то тоже ничего страшного. Нам нужно было прикрыть свои задницы по букве закона.

– Вы сообщили, что нашли на месте преступления его отпечаток?

– Мы это придерживали в тайне, как ловушку. К тому времени был уже получен ордер на обыск, так что другая команда выворачивала наизнанку его дом и машину в поисках каких-нибудь следов, а также орудия убийства. Как тебе известно, его позже нашли за стенкой у Хокинса в шкафу.

– То есть он должен был вернуться домой и спрятать его. А его жена и дочь об этом не знали? Как же так?

– Лиза Хокинс была действительно очень плоха, спала в соседней комнате. Дверь открыла дочь, Митци, буквально в нижнем белье. Видок тоже неслабый. Обдолбана так, что слова вымолвить не может. Пришлось идти в спальню, будить мисс Хокинс. Она даже не могла встать с постели. Фактически это был хоспис на дому.

– Черт возьми, – с ненавистью процедила Джеймисон. – Человек в таком состоянии, а на нее еще все *это* сваливается!

– Она, конечно, разволновалась. Хотела знать, что происходит. Но речь была бессвязная; я не уверен, что до нее вообще доходил смысл наших слов. Как и до ее дочери, то ли

обкуренной, то ли обсаженной. Между ними двумя Хокинс мог выехать на своей машине, а они бы вряд ли и хватились.

– Хокинс на какие-нибудь вопросы ответил?

– Полицейские при аресте огласили, в чем его обвиняют. Но никаких подробностей. Суть происшедшего ему рассказал я.

– И какова была его реакция?

Мозг Декера теперь полностью погрузился в воспоминания. Он больше не был в старом доме Ричардсов. Вокруг желтели стены допросной, рядом сидела молодая еще Ланкастер, а напротив – все еще живой Хокинс. Высокий и худощавый, но крепко сложенный: рак еще не успел к нему подступить. Лицо грубовато-красивое. Особенно памятли были сильные мозолистые руки. Такие легко могли оборвать жизнь девочки-подростка.

* * *

– *Мистер Хокинс, пока оформляются документы, не могли бы вы прояснить нам некоторые моменты?* – спросил Декер. – *Это было бы большим подспорьем, хотя информирую: у вас есть право не отвечать на вопросы.*

Хокинс скрестил на груди руки:

– *Что за вопросы?*

– *Например, где вы были сегодня вечером между семью и примерно половиной десятого?*

Хокинс почесал щеку.

– Решил прогуляться. И гулял всю ночь. Как раз тем и занимался, когда ваши люди меня забрали. А что, гулять кто-то запретил?

– Под проливным дождем?

Хокинс коснулся своей мокрой одежды.

– Вот доказательство. На момент, когда меня забирали, я именно этим и занимался. Ей-богу.

– И где вы гуляли?

– Да везде. Надо было поразмыслить.

– О чем?

– Не вашего ума дело. – Он сделал паузу. – И кстати, мне так никто и не сказал, кто там был убит.

Ланкастер рассказала ему, кто и где находился.

– Надо же. В первый раз о них слышу.

– Значит, в том доме вы никогда не бывали? – непринужденно спросил Декер.

– Никогда. Зачем?

– Вы видели на своей прогулке кого-нибудь, кто мог бы подтвердить ваши слова?

– Откуда. Был ливень. У народа, в отличие от меня, хватило ума оставаться дома.

– Вы когда-нибудь бывали в заведении «Американ Гриль»? На Франклин-стрит? – спросил Ланкастер.

– Я по ресторанам, знаете, не разъезжаю. Не на что.

– Вы никогда не были знакомы с его владельцем?

– Кто это?

– Дэвид Кац.

– Впервые слышу.

Ланкастер описала внешность.

– Нет, ни о чем не говорит.

Как раз в это время прибыл тогда еще куда более стройный Кен Фингер, назначенный судом адвокат Хокинса. Сам Хокинс был вынужден открыть рот и предоставить назначенный судом мазок ДНК со щеки.

Хокинс спросил Декера, что тот собирается делать с этим образцом.

– Не вашего ума дело, – усмехнулся Декер.

* * *

Декер посмотрел на Джеймисон после того, как дословно воспроизвел этот диалог.

– А позже тем утром поисковая группа обнаружила «кольт», спрятанный в стенной нише за шкафом Хокинса. Баллистика совпала с пулями, извлеченными из трупов при вскрытии.

– А мазок ДНК?

– На получение результатов ушло некоторое время, но они совпали с частицами под ногтями Эбигейл Ричардс.

– На этом вину сочли доказанной, а дело законченным.

– Само собой.

Декер снова устоял в пол:

– Смущает только отсутствие следов от дождя.

– Он мог взять с собой запасную пару обуви и носки.

Обувь снять и оставить снаружи. А переобуться в сухую.

Декер категорично качнул головой:

– Нет.

– Почему «нет»?

– Ты посмотри на крыльцо.

Джеймисон подошла к окну и сверху поглядела на мелкий козырек крыльца с открытыми взгляду ступенями.

– Мы с Мэри насквозь промокли, пока заходили в дом, и защита крылечка была чисто символической. Не думаю, что у Хокинса хватило бы предусмотрительности захватить с собой ботинки и носки. Да и как он мог найти время на остановку с переобуванием, прежде чем ворваться в дом с кучей народу? Кто угодно мог выглянуть из парадной двери или окна и увидеть его. К тому же, черт возьми, перед входом он должен был просушиться феном и переодеться в сухое. В противном случае остались бы следы.

– А есть какой-нибудь другой путь в дом, которым он мог бы воспользоваться?

– Никакого, позволяющего избежать всех мною перечисленных нюансов.

– Хорошо. Но он мог подтереть свои мокрые следы потом, на выходе?

– После убийства четверых он бы стал тратить на это вре-

мя? После всех разных мест в доме, где он побывал, чтобы всех поочередно прикончить? Не смейся. Там, кстати, есть еще и ковер. Так ему что – надо было запустить паровой очиститель и избавиться от каждого кусочка грязи, мокрого гра-вия и травинки?

– Если так, Деккер, то альтернатива должна быть тебе известна.

Он метнул на нее взгляд.

– Да. Она в том, что Хокинс был прав, а я ошибался. Он был невиновен. А я засадил его в тюрьму. И теперь он мертв.

– Твоей вины в этом не было.

– Если не моя, то чья? – проронил Деккер.

Глава 11

Нет на земле места холоднее, чем морг.

Во всяком случае, Декер думал об этом, созерцая металлический стол, на котором лежало тело Мерила Хокинса. Медэксперт откинул простыню, так что изможденное старческое тело было открыто во всей своей отталкивающей наготе. По одну сторону с Декером стояла Джеймисон, по другую Ланкастер.

– Как я уже отмечал, – голосом лектора вещал медэксперт, – причиной смерти стала мелкокалиберная пуля с мягким носом, экспансивная. При пробивании черепа она деформировалась, а затем, распадаясь, прошла через мягкие ткани, что ей и свойственно. – Он указал на мозг, лежащий на соседнем столе. – Вот посмотрите, ущерб нанесен значительный. Смерть наступила мгновенно. Части пули засели в мягких тканях. Так что я не могу дать вам более точного ответа насчет калибра.

– А есть какая-то возможность провести баллистическое сличение, если мы найдем оружие для проверки? – спросила Ланкастер.

– Боюсь, что нет. Как я уже сказал, налицо просто металлические фрагменты, рассеянные по обширной области мозга. Как при взрыве бомбы. К сожалению, никаких спиральных бороздок или нарезок от ствола пистолета, чтобы про-

верить соответствие пули, не осталось. – Эксперт добавил: – Кроме того, в ране и мозговых тканях обнаружены следы полиуретана и микрогранулы.

– Что? – озадаченно переспросила Джеймисон.

– Чтобы приглушить выстрел, убийца использовал подушку, – пояснил Декер.

– Дешевая версия глушителя, – добавила Ланкастер. – Следы ожогов на лбу были бы еще заметнее, если бы убийца подушку не использовал. Было бы довольно близко к контактной ране.

– Должно быть, замечая следы, подушку он забрал с собой, – рассудил Декер. – В комнате он не оставил и следа.

Декер указал на предплечье Хокинса:

– Сейчас они, конечно, зажили, но здесь были царапины, предположительно от сопротивления Эбигейл Ричардс, когда ее душили.

– После того как его взяли и посадили в камеру, – пояснила Ланкастер, – мы обратили внимание на ссадины у него на руках. Хокинс сказал, что их он получил при падении, а как раз перед арестом промыл и перевязал. Если на нем были хоть какие-то следы ДНК Эбигейл Ричардс, то этим действием он их удалил. Во всяком случае, мы ничего не нашли. А вот на ней его ДНК обнаружилась.

– И это, похоже, является неоспоримым доказательством его вины, – сказала Джеймисон. – То есть он там все-таки был. А она попыталась от него отбиться. Такие улики не от-

бросишь.

– Н-да, – вздохнул Декер. – А единственное, что у нас на другой чаше весов, – это вот этот парень, который сказал, что невиновен, и вот теперь он мертв.

Неожиданно оживилась Ланкастер:

– А что, если Хокинс эти убийства действительно совершал, но не один? Допустим, у него был сообщник, который теперь его устранил, прежде чем тот сумел раскрыть его личность?

– На это у него было тринадцать лет, – сухо усмехнулся Декер. – Или ты думаешь, что Хокинс не ткнул бы пальцем в своего сообщника на суде, хотя бы ради сделки со следствием? Есть и еще кое-что. – Он вкратце поведал Ланкастер о своей версии насчет дождя, добавив: – На месте преступления должны были обнаружиться следы того ливня, но их не было.

Ланкастер, похоже, была ошеломлена.

– Я... Я об этом как-то и не думала.

– Я тоже, до этого дня.

– Вот же дрянь.

– И я о том.

– А что это у него на предплечье? – спросила Джеймисон.

Медэксперт, невысокий лысеющий мужчина лет пятидесяти, подвел поближе лампу на штативе и включил, направив луч в нужное место.

– Да, я это тоже заметил, – кивнул он. – Давайте рассмот-

рим ближе.

Отметины на руке Хокинса были черные, темно-зеленые и бурые. Случайному взгляду они могли показаться синяками. Но ими они не были. Более внимательное рассмотрение под ярким светом прояснило, что это.

– Наколка, – определил Декер. – Или даже несколько.

– Я тоже пришел к такому выводу, – согласился медэксперт. – Только очень уж примитивные. У моей дочери тоже есть татушка, но смотрится не в пример изящней.

Декер пожал плечами.

– Это, видимо, потому, что делались они в тюрьме какими-нибудь грубыми приспособлениями и из всего, что годилось в качестве чернил.

– А есть уверенность, что он не сделал их до того, как попасть в тюрьму? – спросила Джеймисон.

– Потому что я видел его предплечья тринадцать лет назад. Несколько раз. Никаких татуировок. – Декер наклонился и осмотрел отметины с близкого расстояния. – Похоже, использовались скрепки или, может, скобы от степлера. Татуировка выглядит так, будто в ход шла сажа, смешанная с шампунем. А две другие, похоже, из расплавленного пенопласта. Довольно популярный состав для тюремных партак-ков.

– Я и не знала, что ты такой спец по тюремным тату, – усмехнулась Джеймисон.

– За годы мы с Декером посетили немало тюрем, – сказа-

ла Ланкастер. – Я и сама повидала немало такого боди-арта. Встречались и шедевры, и такие вот гнусные поделки.

Декер все еще разглядывал татуировку.

– Это же паутина.

– В ловушке, – истолковала Ланкастер.

– Что-что? – не поняла Джеймисон.

– Символизирует пребывание в тюрьме, – объяснил Декер. – Неволья тюремного заточения.

– Вот эта похожа на слезинку, – заметила Джеймисон, осторожно указывая на пятнышко возле локтевого сгиба.

Декер кивнул:

– Точно так.

– А это что значит?

Ланкастер с Декером переглянулись.

– Это иной раз означает, что человек в тюрьме был изнасилован. Обычно такое наносится чернилами на лицо, где всем заметно.

– Однако, – покачала головой Джеймисон.

Декер закрыл глаза; в животе клубилась тошнота.

«А я помог тебя туда упрятать, потому что не удосужился провести нормальное расследование».

Джеймисон чутко положила ему руку на плечо. Глаза у Декера распахнулись, и он резко от нее отодвинулся, не заметив ее обиженного взгляда.

Ланкастер вдумчиво осматривала последнюю отметину, справа от слезинки.

– А вот такого я раньше не видела, – произнесла она.

– Похоже на звезду, пронзенную стрелой, – внимательно прищурилась Джеймисон. – Идеи есть? – спросила она у Декера.

– Пока нет, – ответил он и обратился к медэксперту: – В какой стадии у него был рак?

Тот развел руками:

– В запущенной. Если б не пуля, то, наверно, недельки через три преставился бы сам. Вообще удивительно, что он еще мог функционировать.

– Он говорил, что принимает медикаменты с улицы, – заметила Джеймисон.

– Токсикологические анализы покажут, что было в его организме. Остатков пищи в желудке не было. Думаю, на тот момент аппетит его уже покинул. Но человек он был, должно быть, сильный: с такой стадией рака сохранять подвижность...

– Может, ту силу ему придавало как раз желание доказать, что он невиновен.

– Что-нибудь еще интересное? – поинтересовалась Ланкастер.

– Вон там, в мешках с вещдоками, хранится его одежда. Ланкастер посмотрела на Декера:

– У него был также небольшой вещмешок. Лежит у нас в участке. Ничего особенного в нем нет, но, может, ты захочешь в нем порыться.

Декер кивнул, продолжая смотреть на тело.

Три татуировки. Паутина смотрелась наиболее старой. Логично: впервые оказавшись в тюрьме, Хокинс, вероятно, был невероятно зол, тем более если невиновен. Наколка с паутиной была одним из немногих способов выразить свой гнев. Наколка в виде слезы, вероятно, появилась вскоре после этого. Свежее мясо в тюрьмах не залеживается.

Из татуировок одна неопознанная. Звезда, пронзенная стрелой. Надо бы выяснить, что это значит. Судя по всему, самая последняя. Это можно сказать с учетом того, что Хокинс с некоторых пор отощал из-за своей болезни. На двух других признаки убывающего веса соответствовали изменению ширины предплечья. А вот у звезды таких признаков не было. Да она и выглядела свежее. Не исключено, что сделана непосредственно перед выходом из тюрьмы.

А если эта наколка появилась ближе к выходу на волю, то, скорей всего, в ту пору она могла иметь для него определенное значение.

И Декер, в свое время не заметивший никаких грязных следов в доме, был теперь полон решимости ничего другого в этом деле не упустить.

Детективы убойных отделов редко пересматривают итоги своих расследований. Поэтому облажаться никак нельзя.

Повторно.

Глава 12

Вещей было негусто.

Декер рассматривал их в полицейском управлении. В вещмешке лежала кое-какая одежда. Автобусный билет на проезд из тюрьмы. Бумажник с несколькими банкнотами. Какие-то бумаги из тюрьмы, чистая сторона которых изрисована каракулями.

Была еще потрепанная книжка писателя, о котором Декер слыхом не слыхивал. На обложке брутальный мэн приставляет нож к горлу полуодетой девицы. Что-то в духе Микки Спиллейна¹¹, чтиво из пятидесятых.

Помимо этого в бумажнике лежало фото дочери Хокинса, Митци.

Ланкастер выяснила: фамилию дочь сменила на Гардинер. Жила в Траммеле, штат Огайо, в паре часов езды от Берлингтона. Когда посадили отца, ей было уже под тридцать. Сейчас она замужем, сыну шесть лет.

Снимок Митци был времен ее начальной школы. Это следовало из даты, оставленной Хокинсом на обратной стороне фото: имя и возраст дочери. А еще надпись: «*Папина звездочка*». Вот, видимо, почему у Хокинса на руке была накол-

¹¹ Фрэнк Моррисон (Микки) Спиллейн (1918–2006) – один из известнейших американских авторов в жанре «крутого детектива», создатель образа частного детектива Майка Хаммера.

ка в виде звезды. Очевидно, фотография олицетворяла далекие, куда более счастливые времена для семьи Хокинсов. На снимке девочка выглядела яркой и невинной, с широкой беспечной улыбкой, как у всех детей в этом возрасте.

А затем мечты разбились вдребезги. Митци выросла в наркоманку и мелкую преступницу для обеспечения своего пристрастия. Жизнь то и дело перемежалась короткими отсидками в тюрьме и более протяженными в наркодиспансерах. Ушла, растворилась в прошлом маленькая фея с безграничным будущим.

Но все же, судя по всему, она наконец-то сумела наладить свою жизнь.

«Вот и хорошо».

Ясно, что с ней неизбежно придется поговорить. Не исключено, что отец после освобождения связывался с ней.

Вошла Ланкастер, окинула взглядом кучку предметов на столе.

– Совсем ничего?

– Есть вопрос.

– Излагай.

Ланкастер села рядом и отправила в рот пластинку жвачки.

– Вот правильно, – одобрил Декер. – Лучше жевать, чем курить.

Ланкастер поджала губы:

– Спасибо, доктор. Так что за вопрос?

– От кого поступил звонок?

– Насчет чего?

– Кто в ту ночь позвонил о происшествии в доме Ричардсов?

– Ты же знаешь: не выяснено.

– Так вот, нужно выяснить. И поскорее.

– Каким образом? – откинулась она. – И времени сколько прошло.

– Я в свое время читал стенограмму разговора и запись слушал тоже. Звонок был от женщины. Она сказала, что слышала в доме шум. На вызов выехали полицейские и вскоре были уже там. А потом, когда убийства подтвердились, выехали уже мы.

– Это нам известно.

– Но каким образом звонившая знала, что там творилось? Звонок был не со стационарных телефонов в соседних домах. И не с какого-нибудь отслеживаемого мобильного. Тогда откуда?

– Мы тогда, мне кажется, как-то на этом не фокусировались. Просто сочли, что это была добрая прохожая самаритянка без имени.

– Удобная, скажу я тебе, самаритянка. Разгуливает прямо-таки среди муссона, на отшибе. Спрашивается, с какой стати ей там находиться, если она там только не живет?

Ланкастер помолчала.

– А потом, когда мы туда подъехали, все улики дружно

указывали на Хокинса, стоило лишь найти один-единственный отпечаток.

Декер кивнул: все обстояло действительно так. И это злило невероятно.

– Ладно, – вздохнул он. – Нам нужно пропустить через себя это дело с самого начала. Никаких предпосылок к тому, что, кроме Хокинса, виноватых не было. Свежими, широко раскрытыми глазами.

– Декер, прошло уже больше тринадцати лет.

– Мне по барабану, даже если их тринадцать сотен, Мэри, – отрезал он. – Мы должны все исправить.

Она посмотрела долго и пристально.

– Тебя это, видно, не оставит никогда?

– Не понимаю, о чем ты.

– Все ты понимаешь.

Декер ответил угрюмым взглядом.

– Мэри, ты мне нужна в этом на сто процентов.

– Хорошо, Декер. Но имей, пожалуйста, в виду, что у меня есть масса других дел, над которыми нужно работать. А не только над убийством Хокинса.

Декер нахмурился.

– Это дело, Мэри, должно быть у тебя приоритетом. Если этот парень действительно не убивал, то мы исковеркали ему жизнь, отправили ни за что ни про что в тюрьму, где его, похоже, насиловали, а потом позволили кому-то его убить.

– *Позволять* мы никому не позволяли, – возразила она.

– С таким же успехом, считай, что и позволили, – досадливо отмахнулся он.

– Проблемы?

Оба ошарашенно обернулись: в дверях стояла Джеймисон.

Наконец Ланкастер перевела взгляд обратно на Декера.

– Ничего особенного. Просто два бывших партнера ведут дискуссию. – Она неловко улыбнулась: – Извини, Амос. Я готова работать над этим делом столько, сколько может потребоваться. Но моя тарелка завалена чем ни попадя.

– А как же твои недавние слова о том, как нам хорошо снова работать вместе, как в старые добрые времена?

– Мы живем не в старые времена. А в самые что ни на есть нынешние. – Она помолчала и добавила: – По крайней мере я, поскольку у меня нет выбора.

Ее слова Декер встретил льдисто-непроницаемым взглядом.

– Декер, ты от Богарта ничего не слышал? – спросила Джеймисон.

– Он тебе, что ли, еще не звонил?

– Нет. Но он не против, что мы остаемся здесь и работаем с этим делом?

– Одобрения я не получал. Так что лучше тебе собрать вещи и возвращаться в Вашингтон.

– Когда ты это от него услышал?

Декер не ответил.

– Декер?

– Не так давно.

– И ты даже не удосужился об этом упомянуть?

– Вот, упоминаю. Увидимся как-нибудь в Вашингтоне.

– Ты хочешь сказать, что сам остаешься? Декер, так нельзя.

– Смотри на меня!

И он без слов удалился.

Джеймисон посмотрела на Ланкастер, которая так и сидела на стуле, медленно пережевывая жвачку.

– Что, черт возьми, с ним происходит? – спросила Джеймисон тревожно. – Если он не подчинится приказу, то всю свою карьеру в Бюро пустит от откос.

Ланкастер встала.

– У Амоса Декера всегда имелись приоритеты. И карьера в их числе никогда не значилась.

– Я знаю, он просто хочет дойти до правды. Он всегда об этом говорил.

Ланкастер бросила взгляд на дверь.

– Вообще, я думаю, ему просто хочется хоть какого-то успокоения. А все *это*, – она обвела рукой комнату, – это лишь то, как он выживает, неся на плечах бремя вины большее, чем любой человек имеет право себе позволить. Ну а Мерил Хокинс с его историей только подкинул дерьма, из-за чего Амос теперь винит себя в том, что произошло. Такой уж в нем запал. Господи, лучше б я никогда не говорила

Хокинсу, где Декер. – Она тронула Джеймисон за плечо. – Была рада тебя видеть, Алекс.

Ланкастер вышла вслед за Декером, оставив Джеймисон одну.

Глава 13

Декер сидел на красной скамейке в парке своего родного города.

Берлингтон, штат Огайо, годы в курсантской школе и всякое такое.

Он был разрушен, когда десятилетия назад здесь позакрывалось большинство фабрик. Потом все как бы вернулось на круги своя. Затем наступила рецессия и снова сбила городишко с ног.

Теперь опять шло медленное возвращение к жизни.

Оставалось гадать, когда же последует очередной удар. Это казалось неминуемым.

Джеймисон после своего отъезда прислала ему полдюжины сообщений, но он их все просто игнорировал.

Часть его из-за этого терзалась. Но не из-за Джеймисон. Он знал, что все это, так или иначе, связано с Амосом Декером.

«Тебя это, видно, не оставит никогда?» Слова Ланкастер впивались в него, как та пуля в мозг Хокинса.

«Ты ведь никогда не оправиишься от их смерти, Амос? Как ты можешь? Это была не твоя вина».

Вот так же, как сейчас, он сидел на этой скамейке и раньше, когда осень в долине Огайо ускоренно сменялась зимой. Тогда он едва сводил концы с концами, промышляя част-

ным детективом. Здесь он сидел, ожидая мужчину и женщину, направившихся в коктейль-бар, который уже не работал. Ему заплатил состоятельный отец этой женщины, чтобы он убедил мошенника, завоевавшего ее сердце, покинуть город. Он добился успеха. Это было не так уж трудно, поскольку мужчина считал себя гораздо умнее и ловчее, чем был на самом деле. Он никогда не рассчитывал столкнуться с Амсом Декером, который прикончил его буквально несколькими легкими шахматными ходами.

Ожидая ту пару, он наблюдал за движением вокруг себя, делая выводы и вбирая их в свою память. Свою память он обычно называл личным встроенным видеорегистратором. Теперь он обновил этот термин, чтобы тот соответствовал нынешним временам.

«У меня в голове есть персональное информационное облако, где все мои данные хранятся надежно и четко, пока мне не вздумается их вытащить».

Мимо, напряженно о чем-то споря, прошли двое молодых людей. Декер заметил сжатую в кулак руку того, что слева, в которой много лет назад лежали бы пятидолларовые пакетики с крэком. Теперь можно было предположить, что у парня там какие-нибудь опиоидные таблетки, которые он пытается сбыть. Тот, что справа, несомненно, спорил о цене. В руке он комкал пригоршню двадцаток, а в заднем кармане имел пшикалку «наркана». В случае передозировки, которая практически неизбежна, пользователи таскали с собой такие

вот «спасители жизни», чтобы какой-нибудь сметливый прохожий мог засунуть их им в нос и пшикнуть. Так они проживут еще один день, до следующего умирания.

Такова жизнь в двадцать первом веке.

Этот образ он забросил в свое личное облако и отправился на поиски других.

Его он нашел в женщине, въезжающей на уличную стоянку перед бывшей автомойкой, а теперь фитнес-центром. Одета в спортивный обтягивающий костюм, она вылезла из машины и, перекинув через плечо сумку, уткнулась в экран смартфона; уши были заткнуты наушниками. Декер оглядел ее машину. Разрешение парковки на переднем бампере указывало, где она живет, – наверное, для того, чтобы любой потенциальный налетчик мог заприметить и последовать за ней.

Хотелось ей подсказать, чтобы она подыскала другой способ парковаться и вообще была повнимательней к своему окружению, но она сейчас самозабвенно изучала свои крайне важные события в соцсетях. Отвлеки такую, и она, скорее всего, просто вызовет полицию за то, что ее *домогаются*.

Эта сцена махом загрузилась в облако, без всякой видимой причины, – возможно, просто в силу своей обыденности.

Последний кадр. Мимо, держась за руки, прошла пожилая чета. Он выглядел немного моложе ее (возможно, чуть за восемьдесят). Ее рука дрожала, одна половина лица тоже по-

драгивала. Другая печально обвисла. Либо паралич, либо перенесенный инсульт. У мужчины в ушах были слуховые аппараты, а на носу что-то похожее на меланому. И тем не менее они неторопливо брели вместе. В преклонном возрасте, близкие к своему концу и по-прежнему влюблены. Именно на этом должен зиждиться мир.

Декер попытался, но *не смог* не загрузить это в свое облако. При этом он все же позаботился засунуть эту картинку в самую отдаленную часть своей памяти.

С отъездом Джеймисон он снова остался один. В каком-то смысле это было даже предпочтительно. С потерей семьи он стал сам по себе. И гляди-ка, выжил.

Может, оно и к лучшему. Возможно, он обречен на отшельничество. Так как-то сподручнее.

Все свое внимание он переключил на насущную проблему.

Мерил Хокинс. Примерно миллион вопросов, и не так уж много ответов. Если точнее, то вообще никаких. Однако на этой скамейке он присел не ради своего хорошего самочувствия или ностальгии.

Разговор с одной вдовой, Сюзан Ричардс, он уже провел. Теперь ожидался еще один.

Через несколько минут по тротуару подошла Рэйчел Кац. Детей с Дэвидом Кацем у них никогда не было. Она жила одна в кондоминиуме, в центре города, – люксовый лофт в старом фабричном здании. Оказывается, Рэйчел все так

же работала бухгалтером и имела свою собственную практику. Более того, по-прежнему владела тем ресторанчиком. Ее офис находился от лофта в пяти минутах ходьбы.

Она была на несколько лет моложе своего покойного мужа; сейчас ей исполнилось сорок четыре. Броско красивая на момент их первой встречи много лет назад, она и теперь выглядела впечатляюще. Возраст был ей к лицу: светлые волосы, по-прежнему длинные, свободно ниспадали на плечи. Высокая, подтянутая, она шествовала своей горделивой походкой так, словно ей принадлежит весь мир, и уж во всяком случае Берлингтон, штат Огайо.

Она была в черном жакете с кружевной белой рубашкой и длинной юбкой. Алая губная помада и ногти того же оттенка. Легкий кейс при ходьбе чуть пристукивал ее по бедру.

Проходящие мимо двое работяг-строителей что-то зазывно ей крикнули. Кац не обратила на них внимания.

Декер тяжело поднялся со скамьи и приступил к работе. Совсем как в прежние времена.

Глава 14

Она остановилась на тротуаре, взгляделась снизу вверх. В глазах дрогнуло узнавание:

– Я вас помню.

– Амос Декер. Я расследовал смерть вашего мужа, когда работал в полиции Берлингтона.

– Да, – она, чуть сдвинув брови, кивнула. – Я слышала в новостях, что убивший его человек вернулся в город. А вскоре его самого нашли убитым.

– Да, верно. Мерил Хокинс.

Она слегка вздрогнула.

– Не могу сказать, что меня пронзила жалость. Но я думала, что он сидит в тюрьме пожизненно. Как он оказался *здесь*? В новостях об этом ничего не прозвучало.

– Его выпустили из-за рака в последней стадии.

На это она никак не отреагировала.

– А что здесь делаете вы? – осведомилась она.

– Хочу задать вам несколько вопросов.

– Вы все еще работаете в полиции? Я, кажется, слышала, что вы уехали из города.

– Теперь я в ФБР. Но в Огайо по-прежнему действующий полицейский.

Он предъявил ей свое удостоверение.

– Что же именно вы расследуете?

– Убийство Хокинса. А также вашего мужа и других жертв той ночной трагедии у Ричардсов.

Она смущенно покачала головой.

– Мы *знаем*, кто убил моего мужа и семью Ричард. Мерил Хокинс.

– Сейчас мы рассматриваем это в другом ракурсе.

– Почему?

– Есть некоторые нестыковки, с которыми нужно разобратся.

– Нестыковки? Какие?

– Может, обсудим это где-нибудь не здесь, посреди улицы? Предлагаю в кафе, или можно даже в участке.

Рэйчел Кац оглянулась на нескольких прохожих, которые с любопытством главели на них.

– Я здесь живу недалеко.

Вместе они вошли в здание с консьержем и поднялись в лифте на ее этаж.

– Не знал, что в Берлингтоне есть такие места, – признался Декер, идя по широкому, с ковровым покрытием коридору. – По крайней мере, в мою бытность здесь этим и не пахло.

– Мы этот объект закончили всего год назад. Я вообще состою в девелоперской компании, которая восстановила это здание. Сейчас работаем над двумя другими проектами. Сотрудничаю и с еще одной группой по нескольким новым объектам в городе, плюс кафе-рестораны. На Берлингтон у нас большие виды.

– Экономика наконец встает с колен?

– Похоже на то. Мы надеемся привлечь сюда несколько крупных инвесторов. Расстилаем перед ними красную дорожку. Двое из «Форчун 1000»¹² уже начали возводить здесь два региональных офиса. А в центре только что открылась штаб-квартира хайтековского стартапа, куда съехалось много молодых и перспективных ребят. Жить здесь намного дешевле, чем, скажем, в Чикаго. Заманили сюда и систему здравоохранения: сейчас строят новый объект. Подтягивается производитель запчастей для детройтской «Большой тройки»¹³, думает поставить в северной части города новый завод. Всем этим людям нужно где-то жить, ходить по магазинам, питаться. В центре уже появляются новые рестораны и жилые дома, помимо наших. Так что да, дела идут на лад.

– Класс.

Они вошли в ее лофт с открытой планировкой и огромными окнами. Здесь Рэйчел Кац дистанционным пультом раздвинула шторы, впустив в жилье желтоватый предвечерний свет.

– Красота, – протянул Декер, оглядывая дорогие архитектурные детали: открытые балки, заново отделанные кирпичные стены, плиточные полы, дорогущую кухню и акриловую живопись на стенах. В просторный интерьер органично впи-

¹² Список крупнейших компаний США по версии журнала «Fortune».

¹³ Неофициальное наименование трех крупнейших автокомпаний, связанных с Детройтом: «Дженерал Моторс», «Форд» и «Фиат Крайслер».

сывалась рабочая зона с компьютером и оргтехникой в окружении нескольких удобно расположенных кресел-мешков.

– Снимок представлен в «Люксе». Дизайнерский журнал, – пояснила она, видя непонимающий взгляд гостя. – Ориентирован на топ-класс. – Она сделала паузу. – Не считите за снобизм.

– Да перестаньте. Я просто не очень разбираюсь в таких вещах. К топ-классу никогда не принадлежал.

– Я тоже не в рубашке родилась. Просто как дипломированный бухгалтер, пашу около ста часов в неделю.

– Значит, вы, получается, ушли сегодня рано. Еще только пятый час. Я, грешным делом, думал, что прожду вас дольше, а тут вы как раз и подошли.

– Для меня это просто небольшой перерыв. Через пару часов идти обратно в офис, на встречу с клиентом. А вечером еще одно мероприятие. Думала попутно наверстать кое-какие домашние дела, так что, может, перейдем к тому, за чем вы пришли?

Она мягко присела на диван и жестом пригласила Декера сесть в кресло напротив.

– Так какие там, вы говорили, нестыковки?

– В детали я вдаваться не могу, потому что дело не завершено. Но могу сказать, что Мерил Хокинс вернулся в город для того, чтобы просить нас возобновить расследование.

– Возобновить? Зачем?

– Потому что он, по его словам, невиновен.

Рэйчел Кац оскорбленно выпрямилась.

– Как? Вы что, верите на слово убийце, с этими его просьбами по новой начать дело? Вы что, смеетесь надо мной?

– Ни в коем случае. Я просто сказал: имеются нестыковки.

– О которых вы не думаете распространяться. От меня-то вы что хотите? – резко спросила она.

– Не могли бы вы сказать, отчего ваш муж в тот вечер был там?

– Бог ты мой, да я уже давала показания.

– Времени это займет всего минуту. Возможно, вы вспомните что-то, чего раньше не замечали.

Кац раздраженно выдохнула и скрестила руки и ноги.

– Давно это все было.

– А вы попробуйте, – просительно предложил Декер. – Буквально то, что вспомнится.

– Дон Ричардс был кредитным агентом в банке, и они с Дэвидом друг друга знали. Он немало поспособствовал в получении кредита на строительство «Американ Гриль». Мой муж был очень честолобив – одна из черт, которая меня к нему притягивала. Стремился заработать не только уйму денег, но и с пользой для местного сообщества. И я это в нем ценила.

– Когда вы с ним познакомились?

– Вскоре после открытия «Гриля». – Она посмотрела куда-то вдаль с отстраненной, туманной улыбкой. – Встретились, честно говоря, по объявлению о знакомстве. Оба были

так заняты, что не до свиданок. Но общий язык нашли сразу и через полгода поженились.

– Вы, кажется, все еще владеете тем рестораном?

– Да. Он был записан на нас обоих. А ко мне перешел после того, как Хокинс убил моего мужа.

– Бизнес был прибыльным?

– Бывало всякое. Год на год не приходился. Сейчас, например, все идет нормально.

– Вы как думаете: ваш муж в тот вечер заехал просто так, поболтать с Доном Ричардсом? Или что-то по бизнесу?

– Не знаю. Я же уже говорила. Я даже и не знала, что он тем вечером собирался куда-то заезжать. Может, говорили о каких-нибудь бизнес-проектах; у Дэвида их в то время было сразу несколько, а Дон был его главным контактным лицом в банке. Только ума не приложу, как это все произошло у Дона. Домой, как вы знаете, Дэвид живым так и не вернулся, – добавила она ледяным тоном, – поэтому не мог мне рассказать, о чем у них там был разговор. Я думала, мы с ним вместе на всю жизнь. А оказалось, лишь на короткое время.

– Ваш муж с мистером Ричардсом были друзьями? Может, вы вели дружбу с его женой?

– Нет, ничего подобного. У них были дети, у нас нет. К тому же они были старше. А мы с Дэвидом все время работали. Так что на дружеские отношения у нас времени не было.

– В тот вечер вы тоже работали, верно?

– Я как раз открыла свою аудиторскую фирму. Работа-

ла, как говорится, от рассвета до заката. — Она нахмурилась, припоминая. — И тут мне звонят из полиции. Я вначале не поверила. Думала, какие-то пранкеры развлекаются по телефону. — Смолкнув, она посмотрела долгим и горестным взглядом. — Мне пришлось присутствовать на опознании. Вам когда-нибудь доводилось это делать? Опознавать тело любимого вами человека?

— Безусловно, это было очень тяжело, — тихо согласился Декер.

Она вдруг пристально в него вгляделась.

— Пойдите. О боже, это же было *с вами*! Ваша семья. Я вспомнила. Было во всех новостях.

— Ладно, сейчас не об этом, — вяло отмахнулся Декер. — У вашего мужа пропали бумажник и часы. Еще у него было золотое кольцо с бриллиантом.

Она кивнула.

— Кольцо подарила ему я. На *последний*, получается, день рождения, — холодно добавила она.

— Вы можете припомнить еще что-нибудь, что могло бы мне помочь?

— Помогать вам я не хочу, — откровенно сказала она. — Потому что Мерил Хокинс убил моего мужа. Мы собирались завести ребенка. Ходили по разным местам. Подумывали о переезде в Чикаго. Сами понимаете, в таком месте, как Берлингтон, горизонт только от сих до сих.

— Тогда почему вы все еще здесь? — так же прямо спросил

Декер.

– Ну как... Здесь похоронен мой муж.

Лицо Декера смягчилось.

– Я могу это понять.

Она встала.

– Мне действительно пора. У вас ко мне больше ничего нет?

Декер поднялся со стула.

– Спасибо, что уделили мне время.

– Удачи вам я желать не буду. И вообще, я рада, что Хокинс мертв.

– Да, и еще один вопрос. Хотелось бы знать, где вы были между одиннадцатую и полуночью в ту ночь, когда был убит Мерил Хокинс.

Ее лицо заметно побледнело.

– Вы действительно верите, что я как-то замешана в его убийстве?

– Не знаю. Потому и спрашиваю. И если у вас есть алиби, то будет хорошо, если вы его предъявите. Полиция непременно его запросит.

– Зачем?

– Потому что Хокинс возвращался в город, а вы считаете, что он убил вашего мужа. Чтобы вам было полегче, скажу: Сьюзан Ричардс мы спрашивали о том же.

– И алиби у нее было?

Декер не ответил.

– Еще раз, *когда* это произошло? – спросила она явно растерянно.

Он назвал.

– Я сверюсь с ежедневником и посмотрю, что там найдется. А то дел столько, что с трудом вспоминаешь, что было час назад.

Когда Декер направлялся к двери, она его окликнула:

– Зачем вы этим в принципе занимаетесь?

Он обернулся, держа руку на дверной ручке.

– В мире и так полно виновных. Не хватало еще, чтоб мы приумножали их число за счет невинных.

– Вы действительно думаете, что Хокинс был невиновен? – усмехнулась она.

– Именно это я и собираюсь выяснить.

– Вы говорите уверенно. Но это было так давно. А воспоминания тают.

– У меня такой проблемы нет, – заверил Декер.

Глава 15

Он наконец взял трубку. Выбора действительно не было: уже столько времени, как она покинула город.

– Привет, Алекс.

– Черт бы тебя подрал! – гаркнула она. – Ты где там попадаешь?

– Занят.

– *Все* заняты! Команда сейчас уезжает работать над делом в Нью-Гэмпшир. Самолет через час.

– Удачи в делах.

– Богарт недоволен.

– Спору нет. Имеет полное право на меня злиться.

– Успокаиваешь меня? Я звоню узнать – может, присоединишься к нам в Нью-Гэмпшире? Я тут навела справки по рейсам. Для тебя есть один из Кливленда, с пересадкой в Ньюарке.

– Не могу, Алекс. Работаю над делом здесь.

– Ну, тогда води себя хорошо со своими старыми друзьями-копами. Я не уверена, что ты сможешь найти работу в ФБР, когда вернешься.

– Отдаю себе в этом отчет.

– Никто здесь этого не хочет, Амос. Надеюсь, ты это знаешь.

– Ну да.

– Удачи во всем, что ты там делаешь.

Она отключилась, а Декер отложил трубку и долго на нее смотрел. Он вдруг ощутил голод. И точно знал, где именно хочет поест.

* * *

Когда Декер добрался, зал в ресторане был заполнен всего на четверть, несмотря на обеденное время. По дороге сюда он заприметил несколько новых фастфудов – вероятно, конкуренты, уводящие клиентуру у «Американ Гриль».

Его проводили к столику и усадили. Он полистал меню, затем осмотрел интерьер.

Официанты и официантки дрейфовали вокруг столиков. Другие стояли у стены и разговаривали.

Взгляд Декера скользнул мимо одного из столиков, но тут же снова к нему возвратился: внимание приковала сидящая там пара. Это был Эрл Ланкастер, муж Мэри. Он сидел с женщиной, только это была не его жена. Свою карьеру Эрл начинал как рабочий-строитель, а затем дорос до подрядчика. У него было телосложение человека, зарабатывающего на жизнь мускулами. Рост за метр восемьдесят, короткий «бобрик» морпеха, ручки и широкая грудь. На нем была расстегнутая сверху белая рубашка и парадные джинсы. Под столиком он то и дело пошевеливал ступнями в тугих черных мокалинах. Его спутнице было слегка за сорок; строй-

ная зеленоглазка с длинными шелковистыми каштановыми волосами и приятной улыбкой. На Эрла она смотрела влюбленным взглядом.

Почувяв что-то, Эрл бросил свою игру в гляделки и бдитительно обвел взглядом ресторан, а завидев Декера, нервно завозился. Бросив что-то своей спутнице, он вскочил и размашисто зашагал к столику Декера. Женщина пристально за ним наблюдала.

Эрл уселся напротив.

– Амос, старина! Я слышал, ты в городе. Мэри говорила.

– Ты в порядке? – спросил Декер, еще секунду поразглядывая даму, а уже затем возвратившись к Эрлу.

Тот в самом деле выглядел скованно – выложил руки на столешницу и внимательно их разглядывал.

– Ты, наверное, думаешь, что происходит?

– Вообще да, но это опять же не мое дело.

– Видишь ли, мы с Мэри расстаемся.

– Да ты что? – поднял брови Декер. – Печально слышать.

А что у тебя там за знакомая?

Эрл на секунду тоже туда обернулся.

– Я знаю, о чем ты думаешь.

– Сомневаюсь.

– Мэри первой все начала, Амос. Идея была не моя. Но мне жить жизнь.

– А Сэнди?

– Опекунство мы разделим, и я возьму на себя бóльшую

часть. У Мэри слишком безумный график.

– И она не возражает?

– Она сама это предложила.

– Что с ней происходит? К чему этот развод? Какая-то бессмыслица.

Эрл неуютно поерзал.

– Она коп. У нее... Знаешь, какой это прессинг?

– Ты сам хочешь развестись, Эрл?

– А какой у меня выбор? Я что, могу ее остановить?

Декер снова взглянул на ту женщину. Она улыбнулась, но, когда он не ответил ей тем же, резко отвернулась.

– Что бы там ни говорить, ты, видимо, уже сделал свой выбор.

Лицо Эрла стало сердитым.

– Только давай ты меня не будешь осуждать, ладно?

– Я никого не осуждаю. Просто делаю вывод на основе увиденного. Если я ошибаюсь, скажи мне об этом, и я извинюсь.

Гнев Эрла истаял.

– Послушай. Это правда, мы с Нэнси встречаемся. Но с Мэри мы перестали... В общем, давно уже перестали жить как настоящие муж и жена. Ты понимаешь, о чем я. И я с Нэнси не встречался, пока Мэри сама мне не сказала, что нашему браку конец. Богом клянусь.

– Верю. А как к этому относится Сэнди?

– Ей и невдомек.

– Она, скорей всего, понимает гораздо больше, чем ты думаешь.

– Значит, переживем. Иного не остается.

– Не поспорить, – Декер вздохнул. – Надеюсь, у тебя все получится. У всех вас, – добавил он.

– Я знаю, зачем ты в городе. Мэри мне все рассказала. Дело Хокинса. Ты в курсе, что одна из жертв, Дэвид Кац, владел этим местечком?

Декер кивнул:

– А теперь им заправляет его вдова. Ты знаешь Рэйчел Кац?

– А как же. Она участвует во многих проектах по городу.

– Похоже, у нее на Берлингтон большие планы.

– Что ж, городу нужен заряд энергии. Рад, что она делает эти свои дела.

– Ну да, – сказал Декер.

– Мне, э-э... Пойду, пожалуй, обратно. Рад был видеть, Амос.

– Давай.

Эрл отошел к своему столику, где опять занялся с этой Нэнси разговорами и игрой в гляделки; иногда они оба украдкой поглядывали в сторону Декера. Он взял меню и, определившись с выбором, помахал официантке. Ей было за тридцать, худая и высокая. Позади нее стоял молодой человек. Она представила его как Дэниела, стажера. На вид ему было лет двадцать – темные волосы, резкие черты лица. Он

застенчиво улыбнулся, а затем посмотрел на официантку, стараясь ей подражать в держании блокнота для заказов.

Декер надиктовывал, а она с улыбкой записывала.

– Заказ немалый, – оценила она.

– Так и я не мелкий, – подмигнул Декер.

Стажер с официанткой дружно рассмеялись.

Когда принесли еду, Декер приступил к ней неторопливо, все это время степенно оглядывая ресторан. Эрл со своей подругой ушли, даже не взглянув в его сторону. Что и хорошо. В такие моменты он бывал неказист. То, что он свободно говорил до травмы, высказывать с некоторых пор стало неосуществимо, даже если изнутри распирали подспудные эмоции. Не ровен час ляпнет что-нибудь не то и поставит всех в неловкое положение.

Надо же, Мэри разводится. Так вот чем объяснялось ее странное поведение. Жаль и ее, и Эрла. Но больше всего было жаль Сэнди. Хотелось бы поговорить об этом с Мэри, но есть риск все по неуклюжести испортить.

Управившись с едой, он заказал себе чашку кофе. Всякий раз, когда дверь открывалась, в помещение просачивался холодный воздух. При длительной задержке придется, пожалуй, обзавестись более плотным плащом или пальто. В памяти не так уж далеки были те дни, когда единственной одеждой, которая у него была, это та, что на нем.

Во время очередного глотка где-то вблизи послышался голос:

– Почему-то мне кажется, что он здесь не ради еды.

Декер поднял глаза: рядом с его столиком стоял капитан Миллер. В костюме, но галстук ослаблен. Видимо, как раз шел с работы.

Он сел напротив Декера.

– А я видел Эрла, – сказал Декер. – И его подругу Нэнси.

Миллер медленно кивнул.

– Значит, ты теперь в курсе.

– Знаю, что они разводятся. И выслушал его точку зрения.

Но не Мэри.

– Тогда тебе придется спросить ее саму, если ты хочешь. Я тебе это предлагал еще в участке. Ну что, есть какие-нибудь поразительные откровения об этом ресторане с тех пор, как ты был здесь последний раз?

– Кофе все такой же дрянной.

– Что-нибудь еще?

Декер оглядел полупустой зал.

– Зачем Рэйчел Кац до сих пор за него держится?

Глава 16

«*Кокон*», – подумалось Декеру.

Во время их встречи Рэйчел Кац, прежде чем устроиться поудобнее, скрестила руки и ноги – что примечательно, перед ответом на его более серьезные вопросы. Люди часто им отгораживаются, когда собираются солгать или хотя бы уклониться от ответа. Словно заворачиваются сами в себя, всех остальных удерживая снаружи. Можно сказать, инстинктивная физическая реакция на людей, хотя и не самый верный признак того, что кто-то лжет. За годы он довольно часто демонстрировал свою точность.

Так в чем же она лгала или уклонялась от ответа?

Этот вопрос он отложил в сторону, так как еще не знал, как на него ответить. Сейчас он стоял перед старым домом Ричардсов. Но смотрел не на него, а на другой, через два дома отсюда. Это было единственное жилье, в котором все еще обитали люди, жившие здесь на момент убийства. Тогда Декер уже беседовал с ними и с другими соседями; пользы в итоге был жирный ноль. Оставалось надеяться, что на этот раз все сложится более успешно: имелись серьезные сомнения, что одно яблоко удастся угрызть трижды.

– Мистер Дианджело, вы меня не припоминаете?

Дверь открыл лысенький толстячок лет шестидесяти. Несмотря на уличный холод, одет он был в потасканную май-

ку, из-под которой мячом выпирало пузо, и шорты цвета хаки с зевающей ширинкой. В руке он держал матерчатую салфетку, которой отирал рот.

На Декера он смотрел озадаченно, но постепенно, видимо, вспомнил.

– А-а... Вы тот самый детектив? Пекер?

– Декер. Амос.

– А, ну да, ну да.

Декер бросил взгляд на салфетку:

– Я, наверное, оторвал вас от ужина?

– Да нет, мы уж заканчиваем. Вы зайдете?

Дианджело прикрыл за Декером дверь. В ноздри тут же аппетитно повеяло чесноком и песто.

– Вкусно как пахнет, – признался гость, оглядывая опрятный интерьер.

– Не желаете немного? Мамуля сготовила. Всегда наготавливает впрок. – Он игриво хлопнул себя по пузцу. – Оттого я так и разъелся.

– Большое спасибо. Я ел.

– Мамуля! – позвал Дианджело. – Глянь, кто к нам пожаловал!

Из кухни вышла седовласая невеличка, вытирая руки кухонным полотенцем. Поверх юбки и блузки на ней был повязан фартук.

– Миссис Дианджело? Здравствуйте, я Амос Декер. Не забыли меня? Я раньше служил детективом в местной поли-

ции.

– Как же, помню. – Она деловито его оглядела. – Я слышала, вы переехали?

– Было дело, да вот снова вернулся. По крайней мере, на какое-то время.

– Ну так проходите, садитесь, – подбодрила миссис Дианджело. – Винца с дороги?

– А что, было бы неплохо. Благодарю.

Она принесла початую бутылку вина, налила три бокала, и все втроем они уселись в миниатюрной гостиной, где мебель стояла точно такая же и так же, как и тринадцать лет назад, когда Декер был здесь.

– Мы теперь отставные, на пенсии, – поведал Дианджело. – То есть я. А на мамуле всю жизнь были дом и дети. Вкалывала, черт возьми, больше, чем я на работе. Тут присмотреть, там доглядеть.

– Теперь вот обязана присматривать за тобой, – многозначительно улыбнулась Декеру супруга.

– Это жилье подумываем нынче продать, – поделился Дианджело. – Все дети выросли, разъехались со своими семьями. Может, снимем квартиру во Флориде. Еще несколько зим в Огайо я не выдержу. Прямо кости ломит.

– Могу вас понять, – сочувственно кивнул Декер.

Парочка замолчала и смотрела на него, видимо ожидая объяснения, зачем он сюда явился. Декер, потягивая вино, чувствовал на себе их любопытные взгляды.

– Вы, наверное, слышали про Мерила Хокинса? – осторожно начал он.

Дианджело кивнул:

– Чертовски странная штука. Я думал, он в тюрьме пожизненно. А он, гляди-ка, объявляется здесь, а вскоре его убивают. Вы, наверно, потому и вернулись?

– Вроде того.

– Ищете того, кто его убил? – взволнованно спросила миссис Дианджело.

– Да, и высматриваю еще кое-что.

– Что же именно? – обмерла она.

– А вот что: если много лет назад убийство ваших соседей совершил *не* Мерил Хокинс, то тогда *кто*?

Супруги Дианджело как раз подняли бокалы, чтобы пригубить, и чуть не расплескали из них вино.

– Ничего не понимаю, – опустил свой бокал Дианджело. – Этот Хокинс действительно их убил. Это ж было доказано.

– Срок за те убийства получил действительно он, – согласился Декер.

– А разве это не одно и то же? – растеряннo спросила миссис Дианджело.

– Обычно да, – кивнул Декер. – Но бывают и исключения. Я теперь смотрю на это дело по-новому. А вы двое – единственные из тех, кто жил по соседству, когда произошла та трагедия.

Дианджело вздохнул.

– Все верно. Мерфи перебрались в Джорджию. А Баллмеры... как там называется место, где они проводят старость?

– Хилтон-Хед.

– А еще один дом пустовал, – дополнил Декер.

– Совершенно верно. Был одно время пуст. Теперь опять в запустении, хотя в промежутках там два раза селились семьи. В дом Ричардсов тоже въезжала одна семья, но надолго не задержалась.

– Меня туда и силком не заманишь, – покачала головой миссис Дианджело. – Там бы меня кошмары все время изводили. Во всяком случае, после того, что случилось.

– Вы, кажется, в ту ночь сообщили, что ничего не видели и не слышали? – аккуратно уточнил Декер.

– Стопроцентно, – ответил Деанджело. – Ливень хлестал как сумасшедший. Гром, молния, ветрище. Матерь божья! Помню это ясно как день. Мы боялись, уж не ждать ли торнадо.

– Ага, а сам перед телевизором заснул, – с усмешкой ткнула его жена. – Фильм какой-то шел...

– «Бегущий по лезвию», – напомнил Декер. – Вы тогда так говорили.

– Точно, – явно впечатленный, удивился Дианджело. – Какая у вас память дивная.

– И больше из той ночи вы ничего не помните?

– Помню, как подъехала та машина, – сказала миссис Дианджело, – еще до бури. Я как раз заканчивала готовить

ужин. Глянула за окно и увидела, как та проезжает мимо. Я ж вам все это рассказывала.

– Наверное, машина Дэвида Каца? Четырехдверный «Мерседес», седан. Серебристого цвета.

– Да, точно. Машинка загляденье.

– Стоит небось больше, чем наш дом, – криво усмехнулся Дианджело.

– И вы не видели, как он выходил из машины, когда подъехал к Ричардсам?

– Нет. Там, где я стояла на кухне, обзору мешал дом, что между нашими двумя.

– А в тот вечер здесь были только вы и ваш муж?

– Да, старший сын был в колледже. Двое младших у друзей.

– Других машин тоже не наблюдалось? Или звуков из дома Ричардсов? Я знаю, что уже вас спрашивал об этом. Но если б вы могли снова это воссоздать...

– Нет, из дома Ричардсов ничего не доносилось, – с сомнением произнесла миссис Дианджело.

Декер уже собирался переходить к следующему вопросу, но тут что-то в ее голосе привлекло внимание.

– А что там насчет одного из тех, других домов? – спросил он.

– Он как раз пустовал. Слева от нас.

– То есть который ближе всех к Ричардсам?

– Да. Стоял давно уже заброшен. Иногда там собиралась

молодежь. Подростки. Занимались чем попало: пили, курили...

– Шпарились, – подсказал Дианджело.

– Энтони! – одернула мужа супруга. – Не выражаться.

Дианджело, осклабясь, победно откинулся на спинку диванчика:

– Но было ж дело!

– Значит, тем вечером могло быть примерно то же? – ухватился Декер. – Какие-нибудь подростки застряли в непогоду? Что именно вы видели или слышали?

– Да там так, буквально шевельнулось и пропало, – миссис Дианджело потеряла виски. – Господи, как давно это было. – Она поглядела на мужа. – Но мне в самом деле показалось, что это был подросток.

– Мужского или женского пола?

– Мужского. Во всяком случае, мне так думается. Буквально мелькнуло, я даже толком не разглядела.

– Вы не помните, когда примерно это могло произойти?

– Ну, это было уже после того, как разыгралась буря. Я подумала, как бы они там не промокли насквозь.

– Но четко по времени вы сказать не можете?

– Да. То есть нет. Уж извините.

– Хорошо, – кивнул Декер. – Спасибо, вы мне очень помогли своими наблюдениями.

Попрощавшись с супругами, он вышел на улицу. Чего ожидать все эти годы спустя, было не ясно. Большинство сви-

детелей не может вспомнить, что они видели вчера, не говоря уж о десятке лет назад. Он подошел к пустому дому, на который только что ссылалась миссис Дианджело.

Он заглянул в одно из окон, но почти ничего не разглядел. Дверь оказалась заперта. Сложно сказать, кому вообще принадлежал этот дом. Кто бы он ни был, заботливым хозяином его назвать было нельзя.

Декер направился к дому Ричардсов и внимательно его осмотрел.

«Мерседес» Дэвида Каца въехал на подъездную дорожку, после чего вдоль фасада проехал за дом, где остановился на небольшой, окруженной кустами лужайке.

Декер оглянулся через плечо. Отсюда Дианджело никак не могла видеть, как он выходит из машины и заходит в дом. То же самое сообщили и другие соседи: они не видели, как Кац входит в дом, где позднее погибнет.

Вместе с тем он поступил именно так.

Декер посмотрел вниз, на траву. При эдаком ливне шины у «Мерседеса» глубоко увязли в земле. Он приехал сюда еще до того, как грянула буря, так что никаких следов от заезда на участке не осталось. А если и были, то, как заметила Ланкастер, дождь бы их все смыл. А вот машина, въехавшая сюда после начала дождя, какие-то следы должна была оставить. Значит, убийца пришел сюда пешком? Под проливным дождем? Не оставив при входе в дом никаких следов ненастья? Быть того не может. И тем не менее обстояло именно

так, исходя из результатов.

Зазвонил мобильный. Ланкастер.

– Похоже, кое-кто подался в бега, – сообщила она. – Должно быть, мы ее вспугнули.

– Что? Кого «ее»?

– Сьюзан Ричардс.

Глава 17

– Постойте! А где та девчушка из ФБР? Она мне приглянулась.

Агата Бэйтс упрямо взидала на Декера через толстые стекла очков, не давая гостям переступить порог своей малюсенькой гостиной.

Стоящая рядом с Декером Мэри Ланкастер пришла на выручку:

– Сейчас с агентом Декером работаю я. А та девчушка находится на задании в другом штате.

Старушка кивнула.

– Ну ладно. Главное, чтобы за ним кто-нибудь посматривал. Он у вас странный, – добавила она таким тоном, словно Декер был глухой или неодушевленный. – А то он какой-то слишком для себя большой, ну вы понимаете.

Ланкастер повернулась к Декеру:

– Я подъехала к дому Ричардс, думала ее еще раз опросить. Машины там не оказалось, и дверь никто не открыл. Миссис Бэйтс была у себя во дворе. Она подозвала меня и рассказала то, что видела вчера вечером.

Декер в окно посмотрел через улицу, на дом Сьюзан Ричардс.

– Что вы можете нам сообщить? – спросил он.

– То, что я сказала этой леди. Дело было вечером, при-

мерно полдесятого. Я слышала, как заводится тот драндулет.

– Вы имеете в виду машину Ричардс с неисправным глушителем? – уточнил Декер.

Агата Бэйтс нахмурилась:

– Я вроде только что это сказала.

– Рассказывайте, что было дальше, – поторопила Ланкастер от греха подальше.

Старушка отвела укоризненный взгляд от Декера и сказала:

– Я видела, как Сьюзан вылезла из заведенной машины и пошла в дом. Обратно появилась с большущим старым чемоданом – такой, на колесиках. Открыла багажник, кое-как упихала его внутрь. Затем багажник с грехом пополам захлопнула и села за руль.

– Что на ней было? – спросил Декер.

– Во что одета? Длинный плащ и шляпа. Это все, что мне удалось разглядеть.

– А вы уверены, что это была она? – задал вопрос Декер.

– Ну а как же! Я Сьюзан знаю. Высокая такая, худая, светловолосая.

Ланкастер кивнула.

– А потом она уехала?

– Совершенно верно, уехала. О своем отъезде или куда собирается, мне не сказала. Но, должно быть, уехала не на день-два. Чемодан-то был большущий.

Ланкастер посмотрела на Декера, который снова прищу-

рился в окно.

– Ричардс, должно быть, очень торопилась уехать. Даже не вынула почту. Я проверял.

– Так, значит, она в бегах? – спросила заинтригованно Бэйтс. – Как у нас это называлось, смазала лыжи. Прямо как в *«Беглеце»*¹⁴. Мне этот сериал очень нравился. Теперь таких не снимают. – Ее сморщенное личико мечтательно погрузнело. – Больше всего я там была влюблена в Дэвида Дженсена. Уж такой был красавчик, такой сердцеед! А теперь вот мертв. Всех, решительно всех, кого я любила на экране, больше нет среди живых.

Ланкастер посмотрела на Декера, который снова с прищуром глядел в окно.

– Ричардс, должно быть, уезжала в спешке. Не отменила доставку почты и газет. Я проверял.

– Ну, причины ее отъезда нам точно неизвестны, – сказала Ланкастер.

– Если б того человека убила Сьюзан, она бы наверняка дала деру, – рассудила Бэйтс. – Я б на ее месте обязательно так поступила.

– Вы там еще кого-нибудь видели прошлым вечером?

Выцветшие глазки за стеклами очков снова уперлись в него.

– Нет. Знала б, так, наверное, сказала б.

¹⁴ «Беглец» – американский телесериал (1963–1967 гг.), в котором главный герой скрывается после осуждения за убийство жены, которого он не совершал.

– Вообще ничего подозрительного, необычного? – допытывался Декер.

– Да что он ко мне привязался! Нет, если не знать, что кто-то затем усвистит в бега.

От старушки Декер с Ланкастер через улицу двинулись к дому Сьюзан Ричардс, где уже осматривались прибывшие криминалисты.

Декер поднял глаза и посмотрел на небо в бурых неподвижных тучах.

Ланкастер проследила за его взглядом.

– Странная погода для этого времени года. Было тепло и влажно, прошлой ночью на небе ни облачка. А сейчас собирается гроза, и температура падает на десять градусов.

Декер рассеянно кивнул.

– В розыск объявили?

– Само собой. Пока ничего. Пробыли также ее кредитные карты и телефон. Правонарушений нет, а она, должно быть, отключила свой мобильный.

– Кто-нибудь наверняка засечет ее машину. Или *услышит*.

– По-твоему, все это подтверждает ее виновность по Мериу Хокинсу?

– Ты проверила заднюю дверь «Резиденс Инн»?

– Не менялась со времени твоего обитания. Все так же на соплях. И никакого видеонаблюдения. Итак, Ричардс отомстила Хокинсу?

– Не знаю.

– Если она невиновна, зачем убегать?

– Ответ такой же.

– Тогда как мы их получим?

– Нам нужно больше разузнать о Хокинсе.

– Что, например?

– Все.

– То, что было после его убийства?

– Нет, до.

– Чем это нам поможет?

– Если Ричардсов и Дэвида Каца убивал не он, то должна была быть какая-то причина, по которой истинный убийца выбрал его, чтобы подвести под обвинение. Эти причины могли бы открыться при взгляде на то, чем он занимался до тех убийств.

Они направились к своим машинам. На подходе к ним Декер повернулся к своей старой напарнице.

– В «Американ Гриле» я видел Эрла.

Вид у Мэри был удивленный. Машинальным движением она сунула в рот жвачку.

– Да? Он был один?

– Нет.

Она молча кивнула.

– Ты с ним разговаривал?

– Он подошел. Мы... поговорили о разном.

– Тонкости никогда не были твоей сильной стороной, Де-

кер. И хотя у тебя каменное лицо, когда речь идет о полицейских делах, но, когда речь заходит о личном, у тебя на морде все написано. Он рассказывал тебе *о нас*.

Декер смущенно посмотрел, и в эту секунду поднялся вестер.

– Может, по пивку? – спросила она.

Он кивнул.

* * *

Следом за ней он зашел в бар под названием «Пена». После смерти своей семьи Декер бывал здесь так часто, что хозяин заведения маркером написал его имя на барном стуле, где он всегда сидел.

В заведении было довольнолюдно, так как здесь можно было и выпить, и поесть. На заднем плане играла музыка, а выстроенные вдоль одной из стен игровые автоматы вторили ей своим звоном и морганием огоньков. Из смежного зала доносился стук бильярда; здесь посетители со смаком гоняли шары, попутно заказывая напитки и закусок.

Наши детективы сидели за высоким пристенным столиком. Декер заказал себе пиво, а Ланкастер – джин-тоник.

– Ты вообще доволен своим решением служить в Бюро? – спросила Ланкастер.

– Бюро как бюро, – нехотя ответил Декер. – Я не думал, что мы пришли сюда ради разговора обо мне.

Ланкастер сделала глоток и захватила из миски орешков.

– Жизнь сложная штука. По крайней мере моя.

– Каким боком она выходит к разводу? Я думал, вы с Эрлом друг другу дороги.

– Дороги, Декер. Суть реально не в этом.

– А в чем тогда?

– Ну, во-первых, чего люди хотят от жизни.

– Что ты хочешь такого, что в пику тому, чего хочет Эрл?

– Я хочу продолжать работать в органах правопорядка.

– А Эрл что, против?

– Это тяжело для него, Декер. Тяжело и для Сэнди. Я понимаю это. Но все, чего я когда-либо хотела от жизни, это быть копом. Я всю свою взрослую жизнь положила, чтобы этого добиться и держаться за это. Не могу я вот так взять и бросить это, при всей своей любви к кому бы то ни было.

– То есть вопрос стоит «или – или»?

– Для Эрла, очевидно, да. Но я его не виню. Ты же помнишь, когда те выродки оставили в нашем доме манекены, одетые так, будто их убили два года назад? Это тогда напугало нас всех до чертиков, но Эрл переживал особенно тяжело. Он неудержимо говорил об этом, повторял из раза в раз: «А что, если б это было на самом деле?» После этого между нами все изменилось. И ничего уже не было так, как прежде.

– А Сэнди? Эрл сказал, что ему отводится опеки больше, чем тебе.

– Ну а как иначе, при моей работе? И для Сэнди это было

бы слишком тяжело. Я не могу подвергнуть ее такому испытанию.

– Она твоя дочь.

– Эрла тоже. И у нее есть особые потребности. Его работа гораздо более гибкая, чем моя. Я не могу вот так внезапно слинять со следственных действий или не появиться в суде, чтобы забрать ее из школы, потому что ей нужна та или иная процедура. Я знаю. Я ведь пыталась. Но не выходит. Ты сам это все знаешь и видел.

– Знаю, видел и прошу простить.

Ее губы тронула слабая улыбка.

– Ты просишь прощения? С каких это пор у тебя ко мне старческая мягкотелость?

– Да нет. – Он сделал большой глоток. – Мне очень жаль, что мои проблемы вторглись в твою жизнь. То, что случилось с вашей семьей, произошло из-за меня.

Она протянула руку и сжала его ладонь.

– Всех проблем в мире не решить. Я знаю, плечи у тебя широченные, но никто не может взваливать на себя такую ответственность. И вина эта была не твоя. А двух очень больных людей. Ты знаешь, что это так.

– В самом деле? – поднял он глаза. – А ощущение почему-то иное.

– Амос, так жить нельзя. Основа шаткая.

– Я и не ожидал, что проживу так долго.

Она отдернула руку; глаза вспыхнули холодными искра-

ми:

– Нельзя желать себе укороченной жизни. Никому.

– Я и не желаю. Просто я реалист.

– Ты здорово похудел. Ты сейчас в гораздо лучшей форме, чем когда мы виделись в прошлый раз.

– Беспокоит меня не вес.

Мэри Ланкастер, сдвинув брови, поглядела на его голову:

– Проблемы *здесь*?

– Да какая разница. Я все равно буду продолжать идти, пока... пока не перестану.

– Думаю, мы можем ходить кругами всю ночь.

– Давай лучше двинемся дальше по этому делу.

– Хорошо. Ты вот упомянул прошлое Хокинса. Где у тебя точка отсчета?

– До того момента, как он предположительно стал убийцей.

– Ты хочешь сказать...

– Именно.

Глава 18

Траммел, штат Огайо.

Декер здесь никогда не бывал, хотя городок находился всего в двух часах езды к юго-западу от Берлингтона. Недалеко в плане автопробега, только путь сюда неудобный, кружной, по федеральным трассам и сельским проселкам.

Центр Траммела выглядел ни дать ни взять как на фотографии его родного городишки – та же тусклота захолустья с вкраплением надежд в виде открытия нового бизнеса или свежего фундамента здания. Те же молодые лица на тротуарах и автомобили последних моделей на улицах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.